

Служанка

ДЕЛИЯ РОССИ

16+

Делия Росси
Служанка

«Автор»

2019

Росси Д.

Служанка / Д. Росси — «Автор», 2019

Время в Белвиле течет незаметно. Сколько я здесь? Два года? А мне порой кажется, что целую вечность. Вотчина арнов затерялась в самой глубине Алмазных гор, в краю вечных дождей и хмурого низкого неба. Но сырость — не самое страшное, что поджидает обитателей Белвиля. «Хозяин возвращается!» — ранним весенним утром эта фраза перевернула не только привычную жизнь мрачного замка, но и мою собственную. И теперь я не знаю, чего ждать от судьбы и в какую сторону повернет колесо Райны, Создательницы всего сущего.

© Росси Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Штефан	7
Илинка	11
Глава 2	20
Штефан	20
Илинка	23
Штефан	28
Илинка	31
Глава 3	40
Штефан	40
Глава 4	50
Илинка	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Делия Росси

Служанка

Глава 1

Комната выглядела заброшенной.

Темные деревянные панели тускло блестели потрескавшимся лаком, громоздкая кровать неловко застыла у дальней стены, а замотанная в тонкую кисею люстра свисала с потолка нелепым засушенным цветком. Все вещи казались ненужными, забытыми, мертвыми. Даже пейзаж на стене. Бродя и краски яркие, и выписан при помощи магии искусно, а иса – частички живого духа – в нем нет.

Я поставила на пол ведро и захлопнула за собой дверь. В голове до сих пор звучал испуганный шепот Грильды: – «Милорд возвращается!». Эта фраза с раннего утра гуляла по замку, передаваемая из уст в уста самыми разными голосами. Неизменным в этих голосах было только одно – страх. Все население Белвиля с ужасом ожидало возвращения хозяина. Граф Стобардский и Эрский, владелец Крона, Старкона и Брода, бывший командующий первой армией и один из самых сильных арнов империи возвращался домой. В наш Белвиль.

Я посмотрела на портрет графа, висящий на противоположной от окна стене, и невольно поежилась. Вот уж где иса было с избытком! Крупный мужчина в синей военной форме, словно живой, сумрачно глядел на меня из-под нахмуренных бровей, и от этого взгляда мурашки по коже бежали. Настоящий арн. Резкие, словно выточенные скульптором черты, сверкающие алым глаза, темные с синеватым отливом волосы. В нем было слишком много того дикого, первозданного, уходящего корнями в народные предания и жестокую веру предков, что отличало арнов от изнеженных аристократов Олдена.

Интересно, с чего вдруг графа потянуло на родину после стольких лет отсутствия? Зачем ему старый замок? Жил бы себе где-нибудь подальше, вот хоть в столице, в своем огромном особняке, или в Дубровице, в старом господском доме. А Белвиль... Древнее имение, затерявшееся в глубине Алмазных гор, было родовым леєм семьи Крон, но сами арны тут почти не показывались. Если только перед свадьбой невест привозили, чтобы испросить благословение у духа рода.

Вот и нынешний владелец уже лет двадцать в свою вотчину не заглядывал. И лучше бы и еще столько же не появлялся. Старые слуги рассказывали, что нрав у хозяина крутой, да и как может быть иначе, если нутро звериное? «Как этим взглядом своим посмотрит, так душа до самого доньшка заледенеет, – шамкал беззубым ртом Микош. – А если, не приведи Создательница, разгневается, так легче сразу в гроб лечь и крышкой прикрыться, все равно жизни не будет».

Хоть Микошка и казался выжившим из ума стариком, но я склонна была ему верить.

– Ты долго прохлаждаться будешь? – я так задумалась, что не заметила, как открылась дверь и в комнату протиснулась Салта. – Вот же сварново отродье! Чего глазюками лупаешь? Шевелись давай! Или ты думаешь, хозяин на лошадях от столицы добираться будет?

Старшая вытащила из-за пояса фартука засаленное полотенце и замахнулась, но я незаметно уклонилась, и вонючая тряпка шлепнулась на пол.

– Ах ты ж, лишманка!

Раздосадованная Салта открыла рот, и оттуда понесся такой поток ругательств, что неподготовленный человек вряд ли сумел бы их вынести. А я... а я ничего, привыкла уже. За последние пару лет и не такое слышать доводилось.

– Думаешь, коли безъязыкая, так тебе поблажки будут? – выдохшись, прошипела Салта. – И не надейся! Я тут лентяев не потерплю. Чтобы через час комната сияла, – старшая насупилась, отчего крупная красная родинка между ее бровями стала похожа на рог, буркнула еще что-то неразборчивое и вышла, громко хлопнув дверью.

Крепкое дубовое полотно испуганно крякнуло. Ну-ну... Попробовала бы она при хозяине так грохнуть.

Я усмехнулась, подоткнула подол и принялась за уборку. Протерла пыль, вымыла полы, вынесла во двор ковер и снятые с карнизов шторы, выбила их и вернула на место, перестелила белье и расставила вазы со свежими цветами. Да только вот лучше не стало. Как было все мертвым, так и осталось, и на душе оттого темно сделалось.

Паница с детства учила меня, что любая вещь, которой люди пользуются, свою энергию имеет. Светлую или темную – это уж какой у нее хозяин был. А тут – ничего. Пусто. И в душе знакомый холодок возник. Нечисто что-то с хозяйской комнатой. Неладно. И уйти поскорее хочется, воздуха в груди не хватает.

Я не стала медлить: подхватила ведро с тряпками, да и выскочила за дверь.

Штефан

Погода испортилась. До самого Стобарда лил дождь, и он уже в который раз пожалел о злополучной идее добираться до Белвиля верхом. Понесла ж нелегкая! Шестые сутки в седле, это даже для его железной задницы перебор. А до замка еще день пути. День пути по раздолбанным дорогам дикого края.

Он обвел взглядом ветхие домишки, чавкающую под копытами вороного грязь, покосившиеся заборы, торчащие у калиток уродливые фигурки Скарога и темные глазницы окон. Да... За минувшие двадцать лет в Стобарде ничего не изменилось – все та же нищета и дремучие суеверия.

Штефан скривился. Двадцать лет... Его бы воля, он бы и еще столько же не показывался, да только вот война закончилась, и бывший командующий первой армией остался не у дел. Поначалу, после победы, это было не так заметно. Его чествовали, с ним стремились завести знакомства, его обхаживали и зазывали на рауты и приемы, матери семейств благосклонно кивали ему, а их дочери зазывно улыбались. А потом, как по щелчку пальцев, все изменилось. Последние бумаги были подписаны, Штефан принял капитуляцию Варнии, и после этого император уклончиво намекнул, что арнам при дворе не место. И плевать, что он граф, как и десятки поколений его предков, и что состояние нажил немалое, и звериную сущность контролирует. Не нравились Георгу двуединые, боялся их император, с детства боялся, когда впервые арнов в деле увидел. Пока они кровью своей поля и леса Варнии поливали – терпел, улыбался и награды жаловал, а как победу ему в зубах принесли, так и показал свое истинное лицо. Что ж, Штефан понятливый. Всегда таким был, наверное, потому и жив до сих пор. Вот и в этот раз, засунул гордость подальше, за несколько дней передал дела, собрал вещички, да и покинул столицу. Поначалу думал в Старицу поехать, а потом представил, как придется раскланиваться с местной знатью, терпеть любопытные взгляды, слышать за спиной шепотки – а с его слухом это то еще мучение, – и решил, что лучше уж в глушь податься, в Белвиль. Самое подходящее место для того, чтобы отсидеться, в себя прийти, понять, как дальше жить.

Вот теперь и пожинает плоды своего решения – хлюпает по грязи и мокнет под бессменными дождями Стобарда.

Он покосился на серое, сочащееся водой небо и принюхался. Пахло мерзко: влагой, падалью, прелыми листьями. А он уже и забыл, как «сладок» воздух отечества. За пятнадцать лет войны выветрилось из памяти, какая неласковая у него родина.

Штефан стер с лица стекающие капли и нахмурился. А ведь Свард предлагал устроить переход, так нет же, гордость выиграла! Не захотел пользоваться подачками преемника. Надо было соглашаться, не пришлось бы сейчас мучиться.

Дождь, словно издеваясь, припустил сильнее, и настроение окончательно испортилось. Штефан пришпорил коня. Взятый на последней станции жеребец дрожал мелкой дрожью, поскальзывался на раскисшей дороге, испуганно ржал. Боялся. Чувствовал зверя и боялся.

Штефан поморщился. Жаль, что Грома больше нет. Проверенный боевой друг за пять лет ни разу не подвел, и сущности его не страшился.

Вспомнилось, сколько раз Гром от верной смерти его уносил, с какой скоростью по высохшим степям Варнии летел. И взгляд последний вспомнился, прощальный. Глаза сливовые, со слезой...

– Гэй-хо! – выкрикнул Штефан, и конь, подчинившись приказу, резко рванул вперед, оставляя позади серые тени домов и унылые силуэты черных деревьев.

До Белвиля оставалось чуть больше пятидесяти кье.

К замку Штефан подъехал затемно. Крепостная стена и очертания Белвиля тонули в тумане, и вид торчащих из серой пелены башен будил в душе глухую тоску. Зря он сюда приехал. Надо было в Старице оставаться.

Река, преграждающая путь к замку, согласно зарокотала. Когда-то она носила гордое имя Керей-абин – Алмазная, но времена добычи драгоценных камней ушли в прошлое, и название реки изменилось на плебейское Затонка.

– Эй! Есть кто живой? – громко позвал он.

Мост был поднят, а на сторожевых башнях царила тишина. Видать, не ждали сегодня хозяина. Распустились без крепкой руки.

– А ну, открывайте, сварновы дети!

Штефану пришлось долго кричать, пока глухие олухи, охраняющие замок, не проснулись. Вояки, дери их за ногу!

Он громко выругался, наблюдая за поднявшейся на башнях суетой. Замелькали горящие факелы, заскрипели поворотные механизмы, и черная громада медленно поползла вниз, чтобы с громким скрежетом встать в склизкую выемку у самых ног коня. Вороной испуганно дернулся, но Штефан удержал его и заставил ступить на потемневший от времени деревянный настил.

– Ваше сиятельство!

Из распахнутых ворот навстречу ему выбежал низкорослый лысый человечек.

– Ваше сиятельство, с возвращением! – рискуя попасть под копыта коня, кланялся незнакомец. – Так рады, уж так рады вас видеть!

Доски скрипели, черная вода под ними недовольно бурлила, бормотала что-то на старом стобардском, пенилась злобными бурунами, а человечек все кланялся и угодливо изгибался, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Ты кто? – нахмурился Штефан.

Не помнил он этого... слизняка. Вот, хоть убей, не помнил.

– Я Винкош, Ваше сиятельство, – продолжал приседать человечек. – Управляющий Белвиля.

Ишь ты, управляющий. А рожа мерзкая, сразу видать, вор и мошенник. И страхом от него за кье несет.

– Уволен, – резко бросил он и, не обращая внимания на причитания слизняка, въехал под низкие своды крепостных ворот.

– С возвращением, Ваше сиятельство!

Так, а этого он знает. Высокий, худой, седые волосы черной лентой подвязаны, длинный нос свисает почти до подбородка...

– Лершик?

Штефан взгляделся в унылое, похожее на лошадиное лицо.

– Он самый, милорд, – бледные губы дворецкого растянулись в подобие улыбки, но глаза оставались настороженными.

– А ты не меняешься, – Штефан соскочил с коня и бросил поводья подбежавшему мальчишке. – Вели баню затопить, да девчонку какую-нибудь посмышленее пришли.

Он покосился на застывших у порога слуг и добавил:

– Только пусть умоется, надоело уже на немые рожи смотреть.

Грязь под сапогами смачно чавкнула, заставив Штефана поморщиться. Не двор, а конюшня...

– Будет исполнено, Ваше сиятельство, – проблеял Лершик.

Но он уже не слышал. Отодвинул дворецкого с дороги и, не обращая внимания на кланяющихся слуг, прошел в дом.

Внутри было ничем не лучше, чем снаружи. Темные, закопченные стены, выщербленные плиты пола, тусклый свет сальных свечей. И запах... Неприятный запах заплесневевшего сыра, луковой похлебки и кислого хлеба.

– Где экономка? – не оглядываясь на семенящего за ним дворецкого, спросил Штефан.

– Ваше сиятельство, – тут же кинулась ему под ноги какая-то рыхлая старуха, похожая на разваливающуюся копну сена. – Добро пожаловать в Белвиль!

– Ты, что ли, домоправительница?

Он брезгливо скривился, разглядывая уродливую бабу в пышной многослойной юбке с вышитыми на ней национальными узорами. От черно-красного орнамента зарябило в глазах, и Штефан поспешно отвел взгляд.

– Как зовут? – резко спросил он.

– Салта, милорд.

– Ужин готов?

– Да, милорд, – угодливо закивала старуха, и глазки ее превратились в узкие щелочки, скрылись, утонули в толстых обвислых щеках.

– Через час пусть принесут в мои покои, – приказал Штефан.

Он не стал дожидаться ответа. Скинул плащ на руки дворецкому, пошатнувшись под тяжестью мокрой ткани, и пошел к лестнице.

Слуги замерли за его спиной испуганными зверушками, не решаясь пошевелиться. Штефан скривился. Везде одно и то же: страх, неприязнь, подленькое, трусливое любопытство... Пожалуй, из всего этого перечня последнее он ненавидел больше всего.

Темный коридор привел его к высокой дубовой двери. Полотно было старым и почерневшим от времени, рядом с ручкой отчетливо виднелись следы когтей. Кто-то из предков память о себе оставил. Он потянул медное кольцо и вошел в свою бывшую спальню. Хотя, почему бывшую? Теперь вот это все, включая уродливый портрет, написанный Йонасом – его настоящее.

Штефан обвел глазами тесные покои. Да, весело же ему тут будет...

– Лершик! – гаркнул он, зная, что дворецкий притаился за дверью.

– Ваше сиятельство?

Неприятный скрип повторился.

Старик не рискнул переступить порог, так и остался стоять в коридоре, буравя его своими цепкими глазками. Послал же Сварн работничков! Все один к одному!

– Баню затопили?

– Да, милорд. С обеда еще, как узнали, что вы к Стобарду подъезжаете, так и того... затопили.

– Вели принести штоф ратицы, – снимая с пояса оружие, приказал Штефан. – И яблоч моченых. Да поживее!

– Слушаюсь, милорд.

Лершик поклонился и поспешил уйти, а он стянул рубаху, бросил ее в кресло и распахнул окно. Прохладный воздух прошелся по уставшему телу, словно ласковые руки любовницы. В ноздри ударил аромат влажной земли, цветущих каштанов, прелой прошлогодней листвы. Штефан распахнул створки пошире и высунулся едва ли не по пояс. Темнота и туман скрывали очертания деревьев, но тонкий запах горьковатого меда ощущался отчетливо. Впервые за две седмицы на душе стало чуточку светлее.

Все-таки хорошо, что его покои выходят не во двор, а на крепостную стену, за которой нет ни хозяйственных построек, ни людей, один только лес.

Тихий стук в дверь заставил его обернуться. На пороге стояла пышнотелая девица с длинной темной косой. В руках девица держала поднос с запотевшим штофом и глиняной миской с мочеными яблоками.

– Ваше сиятельство!

Он окинул сдобную красавицу внимательным взглядом. Молодая, лет шестнадцати, не больше; щеки зарумянились от смущения, глаза блестят от любопытства и самую малость – от страха, губы алеют сочной вишней.

– Там поставь, – кивнул он на стол, а зверь внутри уже принохивался, присматривался, оценивал налитую грудь и крутые бедра, плотоядно скалился.

– Что-нибудь еще, милорд?

Девица поставила поднос, но уходить не спешила. Глупая в своей наивности и доступности...

– Вон пошла, – неизвестно с чего разозлился Штефан.

Он старался не смотреть на прислугу, не хотел, чтобы она увидела его наливающиеся гневной краснотой глаза, а внутри просыпалась знакомая жажда. Зверь требовал своего.

– Да, милорд, – испуганно пискнула девица и выскочила из комнаты, а он отвернулся к окну и вцепился в подоконник, стараясь удержать рассерженного зверя.

Обычно Штефану легко удавалось укротить свою сущность, но сейчас, после долгого путешествия, сделать это было сложнее, чем обычно. Хотя к чему лукавить? Не путешествие виновато, а то, что ему предшествовало. Себе-то можно и не лгать. Да, он зол и обижен. И душа ноет, как гнилой зуб. И гордость задетая не уймется никак, и самолюбие растревоженное свербит, рвет когтями, воет дурниной.

И что с того, что Штефан понимает причины своей отставки? Умом понимает, а вот сердце не желает соглашаться с несправедливостью, и звериная сущность мечется, отомстить требует за унижение. А еще – подачку императорскую, в виде Краверского лея, назад вернуть.

Подоконник скрипнул под пальцами, на пол посыпались щепки, и это вернуло его к реальности.

Ничего он возвращать не будет. Кравер – богатый город, там одних фабрик и заводов около двадцати, да и порт, опять же, с него неплохой налог в казну идет. И теперь это все ему принадлежит. Осталось только управляющего толкового найти.

При мысли об управляющем вспомнился слизняк, кинувшийся под копыта коня, дебелия домоправительница, неопрятные слуги, и Штефан снова нахмурился. Разогнать бы к рагжу всю эту шваль!

Он одним махом опрокинул рюмку ратицы, шумно выдохнул и откусил большой кусок яблока. Сок брызнул, прокатился по языку пряной, отдающей анисом кислинкой, и это почти примирило его с жизнью. Умеют в Белвиле яблоки мочить. Нигде таких больше нет. Сколько лет прошло, а вкус не изменился, надо бы узнать, что за мастерица соленьями занимается.

Но все это завтра, а сейчас – завалиться в баньку, да и позабыть обо всем. Тело девичье под себя подмять, груди белые в ладонях сжать, жаром смолянистых дров надышаться.

Штефан расстегнул пряжку ремня, стащил дорожные штаны – тяжелые, с кожаными накладками, и, накинув лежащий на кровати халат, вышел из комнаты.

Илинка

– Ну-ка, выстроились все в линейку! – тон Лершика не предвещал ничего хорошего. – Дрина, лихова дочка, куда побёгла? А тебе, Станка, что, особое приглашение нужно? Давайте-давайте, становитесь! – гремел дворецкий.

Даром что старый и щедушный, а голосина – мертвого поднимет!

Лершика в Белвиле не любили. Был он жестким и приметливым, ошибок не прощал, а за проступки наказывал сурово и безжалостно. «Не слушаться меня – все равно что хозяину перечить», – любил повторять дворецкий. Да он и чувствовал себя полноправным хозяином Белвиля. Арны-то в поместье не показывались, вот Лершик и прибрал к рукам всю власть. Даже управляющий у него под пятой оказался.

– Поторапливайтесь! – не унимался дворецкий. – Быстро, быстро! Хозяин ждать не будет.

Служанки, переглядываясь, выстроились вдоль стены, а я незаметно отступила за печку. Темная рубаха сливалась с темной закутка, глядишь, никто меня и не заметит.

– Все здесь? – прищурился дворецкий.

Сальные свечи давали больше чада, чем света, и разглядеть в полутьме кухни что-либо дальше пяти шагов было невозможно. На это я и надеялась. Чутье, обострившееся за последние пару лет, подсказывало, что лучше в линеечку не выстраиваться, потому как ничего хорошего нас не ждет.

– Ну, раз все тут, – откашлялся Лершик, – тогда...

Договорить он не успел.

– Не все, дан Лершик, Илинка за печкой прячется, – тоненько выкрикнула Милица.

Вот же вредная девка! Так и норовит гадость какую-нибудь сделать. С самого начала, как я в замке появилась, у нас с ней не заладилось. То за столом в один кусок хлеба вцепимся, то в бане веник не поделим. Милка, как и я, была младшей служанкой. На наших плечах вся грязная работа лежала: камины почистить и растопить, дров на кухню натаскать, в подсобных помещениях и во дворе прибраться, ну и остальное все, что старшая прикажет. Только вот Милица особо стараться не любила, свою часть работы норовила на меня переложить и злилась, когда получала отказ. А мне чужого не надо, своих дел невпроворот, чтобы еще и за лентяйкой Милкой подбирать.

– Илинка! – грозно позвал Лершик.

Мне пришлось выйти из своего укрытия.

– Столько времени попусту потерял из-за тебя, – нахмурился дворецкий.

– А чего звали-то, дан Лершик? – подала голос Надья, спокойная, рассудительная девушка, работающая на кухне. – Или случилось что?

– Случилось, – глазки Лершика нехорошо блеснули. – Милорд в бане моется, велел девку попримечнее прислать. Я Минку отправил, а она хозяину не понравилась, выгнал. Вот теперь и думай, кто из вас, лишманок, угодить ему сможет.

– Выходит, зря Минка похвалялась? – хихикнула Станка, и ее остренькое, похожее на лисье личико расплылось в победной улыбке. – Вот тебе и первая красавица Белвиля! Забракковал хозяин-то!

– Молчать! – рявкнул Лершик. – Вы бы лучше, чем зубоскалить, рожи свои умыли. Вот ты, Илинка, когда в последний раз мылась? – повернулся он ко мне. – Черная вся, и не разберешь, лицо у тебя или подошва!

Я нарочито покаянно потупилась, а сама едва улыбку сдержать смогла. Это хорошо, что не разберешь. Меньше внимания обращать будут кому не след.

– А ты, Дрина?

Дворецкий подошел к невысокой, скуластой белошвейке и бесцеремонно ухватил ее за подбородок.

– Тьфу, – в сердцах сплюнул Лершик. – Глянуть не на что. И кого мне к милорду отправлять? Все, как одна, уродины.

Он прошелся вдоль строя, хмурясь и вглядываясь в лица служанок недовольным взглядом, постоял передо мной, а потом отошел к моей соседке по комнате.

– Ты, – длинный кривой палец уперся в пышную грудь Златы.

– Что, дан Лершик?

– Иди умойся, рубаху новую надень, и бегом к милорду. Да смотри у меня, чтобы хозяин доволен остался!

– Дан Лершик, а где я рубаху новую возьму? – голос Златки испуганно задрожал. – У меня одна всего, и та на мне.

– Салта! – поморщившись, крикнул дворецкий. – Выдай Злате одежду попримечнее, – покосился он на подоспевшую старшую.

– Так ведь все равно...

Салта не договорила, остановленная взглядом Лершика. Мне от этого взгляда не по себе стало. И дворецкий, и домоправительница еще при старом хозяине, деде лорда Штефана, служить начинали, и хорошо знали нравы арнов. Так почему же все равно, что на Златке будет? Или зверю без разницы, какую рубаху рвать?

Сердце забилося неровными толчками, а внутри подленькая мысль мелькнула: – «Хорошо, что не меня выбрали».

– Все, идите, – сердито рявкнул дворецкий и внушительно посмотрел на старшую. – Проследи, чтобы эта дуреха не сбежала, – тихо велел он.

– Куда тут бежать-то? – огрызнулась Салта. – Лес кругом.

Это да. Вокруг Белвиля только леса да болота, а до ближайшей деревни несколько часов пешего пути.

Старшая схватила Златку за руку и потащила за собой, а та все оглядывалась на нас, и глаза ее были такими испуганными, что мне тошно стало. Стою здесь, за свою шкуру дрожу, радуюсь, что пронесло...

– Дан Лершик! – пискнула Грильда, вторая кухонная девка.

– Что?

– А зачем хозяину Златка? Он же ей ничего плохого не сделает?

– А зачем взрослому мужчине баба? – сверкнул на нее глазами дворецкий. – Неужто до своих лет дожила, и не знаешь?

Служанки вокруг оживились, захихикали, а я почувствовала, как щеки опалило жаром.

– А вы чего бездельничаете? – грозно посмотрел на нас Лершик. – Кто за вас работать будет? Камин в парадной зале не чищенный, в холле полы грязные, а они прохлаждаются! Ну-ка, марш по своим местам!

Под тяжелым взглядом дворецкого служанки неохотно разошлись. Я замешкалась, и тут же услышала грозный окрик:

– А ты что стоишь? Ступай в хозяйскую спальню, камин растопи. И рожу умой, а то еще милорд увидит, испугается.

Ага. Увидит он, как же! Что я, совсем без головы, на глаза ему показываться?

– Бегом! – гаркнул дворецкий.

Я торопливо схватила стоящее у печи ведро с совком и выскочила за дверь.

В покоях арна ничего не изменилось. Когда я тихонько постучала и заглянула в комнату, там никого не было. Только горящие в канделябре свечи, да грязная одежда, кулем лежащая на полу, напоминали о том, что хозяин Белвиля вернулся.

Сама не знаю, какой рагж меня попутал, но я зачем-то подняла полотняную рубаху и попыталась разглядеть тонкую вышивку, украшающую ворот. Петли бесконечности, изгибы безвременья, цветок райса... Анатолийский оберег. Интересно, от кого арн пытается защититься? Или это подарок какой-нибудь зазнобы?

Пальцы ощупывали ровные стежки, а в голове всплывали яркие воспоминания. Берег моря, песчаная отмель, свежий, пропахший солью и смолой воздух, длинная шелковая лента, трепещущая на ветру...

Как же давно я не видела обережных орнаментов! Аж руки зачесались, так захотелось взять иглу и повторить цепочку причудливых символов. Интересная у них последовательность. Петля, изгиб, цветок, еще один изгиб и снова цветок. А потом – две петли и изгиб. Пожелание счастья, любви, добра, отгнание злых сил и печальных мыслей, долголетие...

Я так засмотрелась на переплетение узоров, что совсем забыла о времени. Смотрела на знакомые орнаменты, как зачарованная, и не замечала, как стрелки больших напольных часов передвинулись к полуночи. Если бы не треск догорающей свечи, так и стояла бы у окна, комкая в руках потемневшую от пота рубаху и разгадывая смысл ритуальной вышивки.

«Совсем ты, Илинка, из ума выжила! – одернула себя. – Разве ж можно в хозяйской спальне без дела задерживаться?»

Я бросила рубашку на пол, подхватила щетку и совок и принялась чистить огромное жерло камина. В голове стучала только одна мысль – нужно торопиться. Нельзя допустить, чтобы арн застал меня в комнате. Кто знает, как долго он в бане пробудет? И так уже больше часа парится!

Я сгребла всю золу в ведро, сложила дрова, как учила меня Паница, высекла из кресала искру и подошла к щепе. Огонь разгорелся мгновенно. Он жадно, взхлеб накинулся на поленья, затрещал, заурчал сытой кошкой, лизнул длинным языком закопченные камни, рассыпал по медной плите на полу глазастые искры. В трубе утробно загудело, завывало что-то, застонало.

Я поежилась и передернула плечами.

Странная все-таки у арна спальня. Если утром все предметы обстановки показались мне мертвыми, то сейчас, в ночной полутьме, они словно ожили, запульсировали неведомой силой, заискрились настоящим исом.

Я настороженно посмотрела на громоздкие, выточенные из черного дерева кресла, на огромный трехстворчатый шкаф, перевела взгляд на кровать. Синее атласное покрывало было смято. И подушки лежали не так, как я их укладывала.

Вообще-то убраться в хозяйских комнатах мне не положено, это на Салту такая блажь наша. «Хозяин едет, надо все комнаты в порядок привести, а у нас рук не хватает, – заявила она и ткнула в меня пальцем. – Иди наверх, приберись в спальне милорда. Если арн недоволен останется – выгоню взащей». Вот я и старалась, мыла-натирала, потому как уходить из замка не собиралась. Не время еще.

Теплые отсветы упали на стены, выхватив из сумрака портрет лорда Крона, и я невольно попятилась. В неярких всполохах огня лицо арна казалось живым, а глаза светились алыми рубинами. Их взгляд заставлял меня отступать все дальше, и я медленно пятилась к выходу, пока не наткнулась на какое-то препятствие. Неужели до самой двери дошла?

Я попыталась нащупать рукой медное кольцо, но вместо него пальцы коснулись гладкой шелковой ткани. Создательница! Я стремительно обернулась и оказалась лицом к лицу с ожив-

шим портретом. Те же резкие черты, тот же суровый взгляд, тот же алый блеск в чуть раско-
сых, нечеловеческих глазах.

Отдернув руку, отскочила от замершего на пороге хозяина замка.

Откуда он здесь взялся? Как же я его не услышала?

– Кто такая? – резко спросил арн.

Голос у него был низким, немного хриплым. Слова получались отрывистыми, с непри-
вычным акцентом.

– Ну, чего молчишь?

Я показала на горло, а потом вспомнила, что нужно поклониться, и присела в подобии
кнесса.

– Немая, что ли?

Я торопливо кивнула.

Арн смотрел на меня молча, тяжело, в глазах его клубилась алая тьма. А потом она схлы-
нула, и они стали пронзительно синими, с угольно-черными зрачками. Я не могла оторваться, и
словно зачарованная глядела на свое отражение в них, ощущая, как затягивает меня в воронку
чужой души, как с головой захлестывает переполняющей ее горечью, как леденеет сердце,
застигнутое врасплох испепеляющей болью.

– Что ты делала в моих покоях? – грозно спросил граф, и меня словно строптивой волной
на берег вышвырнуло.

Я невольно отступила назад и указала на камин.

– А одежду мою зачем трогала? – принялся арн и шагнул ближе. – Кто разрешал?

Да никто не разрешал, просто любопытная уродилась. Сколько жизнь ни учит, а от старых
замашек так быстро не избавиться.

Я приложила руку к глазам, пытаясь объяснить, что хотела всего лишь посмотреть. Дыха-
ние частило и сбивалось, внутри все от страха обмирало, сердце тарахтело, как у зайца. Нико-
гда не была трусихой, а тут вдруг такой ужас напал, что хоть беги. И ведь не могу. Пока арн
не позволит, из комнаты не выйти. А он не позволит, по глазам вижу. Не натешился, видать,
со Златкой, не отвел душу.

– Любопытная, значит? – задумчиво спросил лорд Крон. – А за любопытство знаешь,
что бывает?

Тишина в комнате стала вязкой, взгляд арна ощупывал мое лицо, грудь, бедра. Мне
почему-то показалось, что еще немного, и на моей шее сомкнутся сильные руки и...

– Вон пошла, – услышала я и не поверила своим ушам.

Слава Создательнице! Душу затопило такое облегчение, что я улыбнулась.

– Чего стоишь? – хмыкнул арн. – Кыш отсюда.

Он устало потер глаза и направился к кровати, на ходу развязывая пояс халата.

– Скажи там кому-нибудь, чтобы ужин принесли, – не оборачиваясь, сказал граф и
запнулся. – А, ты же немая, – с непонятной интонацией протянул он. – Ладно, иди.

Я подхватила ведро с совком и кинулась вон из комнаты.

Как добралась до кухни – не помню. Очнулась уже перед дверью в подсобку и только
тогда перевела дух. Все-таки слушать рассказы Микошки об арнах и увидеть одного из них
живую – разные вещи!

– Что, Илинка, не съел тебя хозяин?

А вот и Микош, легок на помине. Старый конюх сидел у печки, грел свою большую пояс-
ницу и привычно мусолил во рту трубку. Седые усы его смешно шевелились, в блеклых голу-
бых глазах затаилась хитринка.

Я улыбнулась Микошке и покачала головой, отвечая на его вопрос.

– А чего дрожишь, как заяц?

А как тут не дрожать? Я вспомнила прожигающий насквозь взгляд и поежилась. Конюх понимающе хмыкнул.

– Смотрю, ты к приезду хозяина подготовилась? – усмехнулся он. – Сделала, как я посоветовал? Вот и молодец. Лорд Штефан тут надолго не задержится, так что, можно и грязь с сажей потерпеть.

Микош вынул изо рта трубку и с кряхтением пересел чуть дальше от печки.

– Слушай меня, Илинка, – с трудом устроившись на табуретке, сказал он. – Не пропадешь. Я повадки арнов хорошо знаю, им девок чистых подавай, пригожих, чтобы лицо гладкое было, тело крепкое, да титьки налитые. Вот ты свои-то и спрячь, а физиономию от сажи не мой, все равно каждый день в золе возишься. Глядишь, и пройдет беда мимо.

Легко сказать, не мой. Тут день с трудом выдержала, а если до лета... Нет, не смогу. Легче арну на глаза не показываться. Каминь я всего раз в сутки растапливаю, а как окончательно потеплеет, так и вовсе топить не придется, так что он меня и не увидит. Это горничным не повезло, тем комнаты каждый день убирать, а у меня работа черная: не каминь, так курятник и кухня. Вряд ли милорд на хоздвор или в подвалы кухонные спуститься рискнет.

Я обвела взглядом темный зал. Длинный разделочный стол с дубовыми пеньками вместо ножек забит снедью, в расположенные под самым потолком окошки луна заглядывает, в огромном очаге на вертелах дичь запекается. Жир с нее капает на угли, рассерженно шипит, злобится, смачный мясной дух вышибает. Я почувствовала, как рот наполняется голодной слюной. Сейчас бы отколупнуть ножом зажаристую корочку! А еще лучше горячую мякоть с кости срезать, на хлеб положить и, обжигаясь, откусить.

Я так ясно представила вкус ароматной свинины, что живот жалобно заурчал.

Ужин был давно, от него уже и памяти не осталось, да и не могла жидкая гороховая похлебка сравниться с запеченным кабанчиком.

Вспомнилось, как Дамир приносил с охоты молодых уток, как весело горел огонь в печи, как чисто и уютно было в маленькой, выложенной разноцветным камнем кухне. Я словно воочию увидела небольшой двухэтажный домик с яркой черепичной крышей, увитое диким виноградом крыльцо, плетеный половик у двери.

Сердце болезненно сжалось. Как же давно это было... Будто в другой жизни.

На глаза навернулись слезы, но я заставила себя не думать о прошлом. Все наладится. Что тут до лета осталось-то? Всего ничего. А там арн уедет, и жизнь снова войдет в спокойную колею. Можно будет в Затонке по утрам купаться, грибы и ягоды собирать, в золе картошку печь, старый улей наладить...

– Илинка, сварнова дочка, где тебя носит?

Резкий голос Салты холодной оплеухой вырвал меня из мечтаний.

– От дурна баба, – тихо проворчал Микошка. – И чего ей нейметя? Ночь-полночь, а она все орет!

Он с сочувствием посмотрел на меня и кивнул на дверь черного хода.

– Иди, пока она тебя не заметила, а то опять до утра спину не разогнешь.

Это да. Салта ко мне равнодушна. Как увидит, что я «без дела прохлаждаюсь», так тут же работу найдет. «Всех вас в черном теле держать нужно, чтобы не забывались», – любит повторять она. Забудешься тут, как же! Сама Салта и напомнит. Мне порой казалось, что старшая тоже от арнов произошла. Уж больно нрав у нее звериный.

– Илинка! Куда подевалась эта лишманка? – послышалось злобное бормотание. – Или Ясь обманул, что девка на кухню мчалась?

В том-то и дело, что не обманул. Ясь был первым помощником Салты, следил за всеми работниками, обо всем старшей докладывал. Кривой на один бок, с узкими злобными глазками, он имел привычку возникать неожиданно, словно из-под земли, и знал все и про всех.

– Илинка! – не унималась Салта. – Не вздумай прятаться, все равно найду!

Я не стала дожидаться, пока меня обнаружат. Бесшумно отступила к выходу и незаметно выскользнула на улицу. Пусть ищет...

Во дворе было тихо. Суматоха, поднявшаяся с приездом хозяина, уже улеглась, и сейчас замок казался похожим на большого неприкаянного медведя. Микош рассказывал, что Белвиль построили семьсот лет назад, и я склонна была этому верить. О том беспокойном времени напоминали и высокие, похожие на острые пики башни, и узкие окна, и неприступная крепостная стена, опоясывающая замок, и грубая каменная кладка, которую ни одно ядро не возьмет. Вторую, новую половину, достраивали уже при Сигизмунде Завоевателе. Она получилась совсем другой: закругленные оконные проемы, мягкие линии, крытые переходы. Скорее всего, архитектор хотел привнести в облик Белвиля более мирные черты, да только у него ничего не вышло. Не срослись две части замка друг с другом. Новая – восточная, оказалась неспособна сгладить острые углы старой, и та угрюмо нависала над ней своими башнями, настойчиво теснила толстыми боками, зло подглядывала прищуренными глазами-бойницами. Наверное, потому и казался Белвиль нескладным и нелепым. В нем будто соединилось дремучее прошлое стобардцев и благопристойное настоящее олденцев.

Микошка говорил, что когда-то давно Стобард был отдельным государством. Тут процветала вера в Скарога – получеловека-полузверя, его и изображали так: голова волка на теле мужчины. Он считался родоначальником всех арнов. А правила Стобардом предки лорда Крона. «Вишь, Илинка, Кроны-то раньше королями были, – разглагольствовал Микош, – все Алмазные горы, до самой Ратицы, им принадлежали. И Кранец, и Брод, и Кравер. Это уж потом, как империя на запад расширилась, Сигизмунд земли Кронов захватил, а короля Драго своим вассалом сделал. А так, считай, в бывшем королевском дворце живем!». Вот так, во дворце...

Я окинула взглядом темный силуэт Восточной башни. Где-то там – комнаты арна. Да вот же и окошки его светятся, третьи справа. Неужто не спит? Ну да, вон, к окну зачем-то подошел. Воздухом подышать?

Я отступила в тень, но уйти не смогла. Правильно Паница говорила, что любопытство вперед меня родилось. Так и есть. Нет бы в свою каморку идти, а я зачем-то стою, за хозяином наблюдаю. А тот словно нюхом учуял, посмотрел вдруг в мою сторону, и мне со страху показалось, что глаза его снова алым блеснули. Глупо. Разве можно на таком расстоянии что-либо разглядеть?

«Мало тебе бед, Илинка, так и норовишь новую добавить, – мелькнула здравая мысль. – Уходи, пока граф не заметил».

Я прислушалась к голосу разума, развернулась и побежала к флигелю для слуг. Хватит уже потакать своей дурной привычке, и так из-за нее вся жизнь кувырком. Не сунулась бы, куда не следует, так до сих пор и жила бы в родном доме. Впрочем, что уж теперь? Снявши голову, по волосам не плачут.

Грязь неприятно чавкала под ногами, выдавая мои шаги. Только бы навстречу никто не попался!

Мне повезло. Создательница оказалась милостива, и я спокойно дошла до своей комнатки.

Внутри было темно. То ли Златка еще не пришла, то ли спала уже. Я нащупала на полке кресало, подожгла сальный огарок, поставила плошку с ним на стол, и тут тишину нарушил чей-то придушенный всхлип. Златка? Я подняла свечу повыше и посмотрела на соседнюю кровать. Мать-Создательница! Соседка, съезжившись, лежала на тощем матрасе, волосы ее спута-

лись в колтун, от рубахи остались жалкие лохмотья, на неприкрытом одеждой бедре виднелись крупные синяки, как от огромной пятерни.

– Убери свет! – сипло попросила Злата, и у меня внутри все сжалось. – Не смотри... Не надо.

Меня ее слова не остановили. Я подошла ближе и смогла разглядеть все, от покрытых синими пятнами ног до расцарапанной шеи и заплаканного лица.

Зверь... Настоящий зверь. Как можно было бить девушку?

– Он меня не бил, – тихо сказала Златка, с трудом усаживаясь на постели. Как и всегда, она легко поняла мои мысли. – Это... другое, – поморщилась она.

«Как же другое? От другого таких синяков не бывает!».

– Тебе-то откуда знать? – распухшие губы растянулись в подобии усмешки. – Вот такая она, любовь арнов... Особенная.

Злата спустила ноги на пол и осторожно, по стеночке, двинулась к табуретке, на которой стояли тазик и кувшин с водой.

– Поможешь? – спросила она.

Я налила в таз немного воды, взяла кусок тряпицы, намочила его и принялась осторожно вытирать с кожи Златки следы недавней «любви» арна. Подруга морщилась, когда я касалась свежих царапин, но терпела, а я смотрела на глубокие борозды от когтей и даже представить боялась, что ей пришлось вынести.

Все-таки не врал Микошка, хозяйская ласка мало чем от наказания отличается.

– Сказал, что завтра могу не работать, – хрипло прошептала Златка. – Да и то, какой с меня работник? Ходить толком не могу, – на лице соседки застыло странное выражение. Она помолчала немного, а потом прерывисто вздохнула и добавила: – Никогда ни с кем такого не испытывала... А, маленькая ты еще, все равно не поймешь, – поморщилась она, заметив мой настороженный взгляд.

Ничего и не маленькая! Мне в прошлом месяце восемнадцать исполнилось. И про то, что между мужчиной и женщиной бывает, я почти все знаю. Глаза-то у меня есть, а слуги не больно и скрываются. Вон, летом на сеновале, считай, всю ночь напролет одни охи да взвизги слышатся. Сама же Златка с Яцеком так стонала, что я с метлой прибежала, соседку спасать. А оказалось, что спасать не от кого. До сих пор помню, как орал на меня Яцек. Он одной рукой штаны поддегивал, а другой на меня замахивался, насилиу Златка его угомонила.

Я задумалась и нечаянно задела исполосованное плечо подруги. Та зашипела от боли.

– Осторожнее! – пробормотала она, и на глазах ее снова выступили слезы.

«Прости!»

Я покаянно склонила голову.

– Ничего, – всхлипнула Злата. – Это все заживет, а вот рубаху жалко. Новая была, чистая, из тонкого полотна.

Она взглянула на обрывки ткани и разревелась.

«Ты чего?» – посмотрела на нее.

– У меня такой красивой никогда не было, – кулаком утирая нос, причитала соседка. – Там даже вышивка по краю шла, и края рубчиком подшитые. Как у Минки...

Нашла о чем переживать! Арн ей всю шкуру своими когтями исполосовал, а она из-за какой-то одежды убивается! Я покачала головой и выжала тряпку. Вода в тазике стала розовой от крови. Надо бы раны обработать, кто знает, вдруг у арнов когти ядовитые?

Я вспомнила руки графа – крупные, поросшие темными волосами, с длинными пальцами и острыми ногтями. Микошка говорил, что раньше арны умели в зверей превращаться полностью, а теперь только частично. Посмотреть бы, как это выглядит...

Я поймала себя на этой мысли и мысленно отпустила затрецину. Посмотреть... Одна уже посмотрела, вон, от крови теперь не отмоеся!

– Все. Лечь хочу, – вздохнула Злата.

Я помогла ей дойти до постели, собрала остатки порванной одежды и пошла к двери.

– Ты куда? – вскинулась соседка.

Я кивнула на нее и жестами изобразила бутыль.

– За горечником? – догадалась Златка. – Не нужно. Нарвешься на Салту, она тебя опять на всю ночь работой загрузит.

Я махнула рукой. Авось, пронесет.

– Бедовая ты девка, Илинка, – вздохнула соседка, но отговаривать меня больше не стала. – Сама на рожон прешь.

Я только головой упрямо мотнула и вышла из комнаты.

В коридоре было темно и тихо. Свечку я с собой не взяла, полагаясь на то, что знаю каждую ступеньку и выбоину, и сейчас осторожно пробиралась по узкому переходу, соединяющему старый флигель с замком, и старалась не оступиться. Пол неуклонно шел вверх – сказывалась разница в высоте фундаментов. Я рукой нащупывала холодный камень стен, а сама думала только об одном: – «только бы до кухни поскорее добраться и никого не встретить!».

Почему-то сейчас, когда у меня все внутри сводило от страха, обычный короткий путь казался бесконечным. А когда я наконец дошла до большой мраморной плиты, лежащей у входа в замок, то почувствовала такое облегчение, будто из кошмара выбралась!

Вот уж точно говорят, что у страха девять глаз!

Я осторожно прокралась вдоль стены к просторному замковому коридору, свернула направо, дошла до небольшого холла и остановилась. Здесь было уже не так темно. Сквозь узкие бойницы просачивались прозрачные пальцы луны, на пол ложились корявые длинные тени, в углу тускло поблескивали старинные металлические латы. На фоне грубой каменной кладки они казались почти живыми. Так и чудилось, что железные руки сейчас поднимут тяжелый меч и опустят его на голову врага. Ну, или того, кто рядом окажется.

«Ох и богатое ж у тебя воображение, Илинка!» – привычно разговаривая сама с собой, я уже почти дошла до лестницы, ведущей в подвал, как вдруг неожиданно почувствовала на себе чей-то взгляд. Он теплой букашкой полз по моему лицу, ощупывал, изучал, а у меня от страха ноги подкосились, и волосы на шее дыбом встали.

Минута, другая... Я стояла, не в силах пошевелиться, словно парализованная. И чудилось, что в темноте дальнего коридора красные угли глаз горят, а в душе билось что-то смелое и глупое, нашептывающее подойти ближе, встретиться со своим страхом лицом к лицу...

Нет уж! Никогда больше не буду свой внутренний голос слушать, хватит с меня прошлого раза! Я с усилием оторвала ногу и сделала шаг назад. И в тот же миг все исчезло: и взгляд, и ощущение ползущей по щеке букашки, и ужас, захлестывающий душу. И «паралич» прошел. Видно, арн отступил.

Я сорвалась с места и кинулась вниз. Ступени мелькали одна за другой, а я молилась только об одном – чтобы тот, кто смотрел на меня из темноты коридора, не захотел поохотиться. Сейчас я не боялась нарваться на Салту, не страшилась ни ее ругани, ни работы, которой старшая могла меня загрузить. Наверное, я была бы даже рада, если бы противная старуха оказалась на кухне. Увы. Когда я влетела в пропахшее луком и кислым хлебом помещение, там никого не было. Только медные кастрюли едва заметно поблескивали боками да стекла буфета ловили отражение лунного света, проникающего сквозь зарешеченные окошки.

Я оперлась о стол и попыталась отдышаться. Ну и денек сегодня выдался! Вот тебе и тихий, затерявшийся в Алмазных горах замок, в котором никогда ничего не происходит!

Настойка нашлась быстро. Она стояла на своем месте, на третьей полке, в самом уголке. Брать с собой всю бутылку было рискованно, поэтому я отлила немного жидкости в кружку, накрыла ту полотенцем и вернула лекарство в шкаф. Главное, чтобы кухарка не заметила, что я тут похозяйничала.

Обратный путь занял в два раза больше времени. Я осторожничала, присматривалась, подолгу замирала перед очередным переходом и только оказавшись за дверью нашей со Златкой каморки, облегченно перевела дух.

Глава 2

Штефан

Он проснулся рано. Сработала привычка, сложившаяся за годы службы. В походных условиях редко удавалось урвать больше пары-тройки часов сна, но ему этого хватало. Наверное, он даже любил такие вот ранние подъемы и ту особую тишину зарождающегося утра, когда не слышно ни разговоров, ни звона оружия, ни ржания коней, а все вокруг погружено в сонную дремоту. Штефану нравилось наблюдать, как медленно, словно нехотя, отступает ночь, как постепенно светлеет край неба, как наливается кровью нависающая над горизонтом полоса и расплзаются по земле настырные красные тени. Было в этом что-то мистическое. Что-то, что будило в душе древние верования и память прошлого. Он никогда не считал себя набожным человеком, не верил ни в Аэста, ни в сварна, но в такие моменты готов был признать существование какой-то силы, управляющей мирозданием. Или поверить в Скарога – древнее божество своих предков.

Штефан рывком поднялся с постели, подошел к окну и толкнул узкие створки. Те со скрипом подались, и молоко тумана тут же плеснулось в комнату. Оно оседало на коже, покрывало мельчайшими каплями волосы, забивалось в ноздри влажным и пряным ароматом цветущих каштанов, подхалимски, будто кошка, ластилось к телу.

Штефан повел плечами, прогоняя прикосновение призрачных мягких лап, и посмотрел на восток. Солнце и не думало всходить над Белвилем. Оно привычно пряталось за тучами, а те, так же привычно, сочились влагой. Вечная сырость Стобарда...

Он усмехнулся. Неприветливая у него родина. Суровая. Здесь нет ярких красок и живых эмоций, буйства природы и веселых песен юга. Да и сами стобардцы мало отличаются от своей серой и промозглой отчизны. Все они недоверчивые, молчаливые, на решения не скорые. Можно годами жить с ними бок о бок, но если ты родился за пределами Стобарда, местные так и будут считать тебя чужаком. И твоих детей. И даже внуков. Вот правнуков, пожалуй, признают, но все равно при случае напомнят, что предки твои – пришлые, а значит, ты не истинный стобардец.

Штефан задумчиво глядел вдаль, туда, где небо отличалось чуть более светлым оттенком. За много лет вдали от дома он отвык от таких вот серых рассветов. Что ж, придется привыкать. Теперь это – его новая действительность. Как и старый уродливый замок, как и чумазные лица живущих в Белвиле людей.

Стоило подумать о местной прислуге, как тут же вспомнился уволенный слизняк-управляющий. Плут и мошенник, как пить дать. Надо бы просмотреть расходные книги, проверить, на что уходили его деньги. Но все это потом.

Он, как был, в одних подштанниках, вышел из комнаты и спустился во двор. Внизу царил тишина. Птицы и люди еще не проснулись. Темная громада замка выступала из тумана неприкаянным черным медведем. Прохладный воздух приятно бодрил. Штефан шагнул в сгустившийся туман и побежал по дорожке, ведущей в лес. Под ногами чавкала грязь, мимо мелькали едва видимые глазу деревья, с неба сыпала мелкая морось. Сейчас, когда он полагался лишь на чутье, лес казался знакомым. И глубокий овраг, вдоль которого петляла тропа, и горные террасы, уступами уходящие к вершине, и лысая прогалина Скалистой пади. Оказывается, он ничего не забыл. Три года, проведенные в Белвиле в ранней юности, не прошли бесследно. Штефан тогда жил под присмотром деда. Отец женился на шестнадцатилетней Верике, привел ее в дом и отправил подрастающего сына подальше, чтобы соблазна не было.

Штефан усмехнулся. Похоже, одно у него место ссылки – Белвиль.

К большой бочке, в которую собирали чистую дождевую воду, он прибежал уже засветло. Не забыл за столько лет, вот она стоит, совсем не изменилась: те же круглые бока и темные обручи, стягивающие почерневшие доски, то же вросшее в землю основание. Эту бочку установил еще его дед. «Уж чего в Стобарде полно, так это воды, – говорил старик. – Хочешь, с речки бери, хочешь – из источников, а можешь и с неба пить, вон оно, круглый год влагой сочится».

Штефан отогнал рукой плавающую сверху щепу, зачерпнул бадьей студеною, пахнущую деревом и терпкими ягодами крученики воду, и опрокинул на себя. Сначала все тело закололо острыми иголками, и тут же им на смену поднялась волна жара. Хорошо!

Второе ведро пошло в ход сразу же, а третье – с небольшим перерывом. Он наслаждался этой отяжкой, смаковал удовольствие. Вода смывала все: и усталость от долгой поездки, и горечь отставки, и несбывшиеся надежды, и воспоминания о жарких ночах с Бранимирой.

Он запрокинул лицо к проплывающим над головой ватным клочкам тумана и раскинул руки. Хорошо... И плевать, что он снова в Белвиле. Ему не пятнадцать, и деда с отцом давно уже нет в живых. Теперь все будет по-другому. Зверь одобритительно заворочался и вдруг настоженно замер, пробившись к самой коже, вспоров когтями руки и изменив зрение.

За ним наблюдали. Он чувствовал этот взгляд спиной, ощущал нутром, чуял обострившимися инстинктами. Взгляд полз по напряженным мышцам, а он лихорадочно размышлял. Кто это? Враг? Подсланные Георгом убийцы? Местные головорезы?

Он стоял, все так же раскинув руки, стараясь не делать резких движений, и впитывал чужую энергию. В ней не было угрозы. Интерес, толика страха, сомнение и... любопытство. Проклятое любопытство.

Штефан нахмурился и скосил глаза на кусты волчьей сыти. Так и есть. Девчонка, что вчера убиралась в комнате, спряталась за густыми колючими ветками и наблюдает за его омовениями. Любопытная маленькая куница.

– И долго ты в засаде сидеть собираешься? – не поворачиваясь, спросил он.

Вопрос прозвучал резко. В кустах что-то тихо треснуло. Ишь ты, молчит. Испугалась.

– Я кого спрашиваю? – грозно спросил он.

Ответа не последовало, и это его разозлило. Штефан медленно повернулся, посмотрел на раздвинувшиеся кусты и наткнулся на внимательный, совсем не испуганный взгляд огромных синих глаз, ярко сверкающих на чумазом от сажи лице. Казалось, девчонка пытается что-то для себя решить. Похоже, уже решила. Она коротко поклонилась и выставила вперед два ведра, жестами показав, что пришла за водой. И тут он вспомнил. Ну конечно! Она же немая.

– Чего стоишь? Раз пришла – набирай, – хмыкнул Штефан.

Он чуть сдвинулся в сторону, и служанка шустро проскочила мимо. Она ловко наполнила ведра, подняла их и быстро посемила прочь, слегка сгибаясь под тяжестью своей ноши. Казалось, еще немного, и тонкая фигурка в подпоясанной грубой веревкой рубаше просто переломится, но время шло, старые кожаные башмаки споро мелькали из-под длинного подола, а девчонка неумоимо неслась вперед. И как только не поскользнется на жирном черноземе тропинки?

Он машинально наблюдал за движениями ее маленького складного тела, а сам размышлял о том, что неплохо было бы съездить в Стобард, навеститься к наместнику, посмотреть, чем тот дышит. А заодно и управляющего толкового подыскать. И с местными слугами надо что-то делать. Выглядят убогими оборванцами, позорят честь Белвиля, совсем без хозяина распустились. Но начать нужно с управляющего.

Штефан стер с лица капли. Да, так он и сделает. Поест и отправится в местную столицу. Поглядит, чем стобардская знать дышит.

Грязь снова смачно чавкнула под ногами, и он задумался. Надо бы в городе работников найти, пусть все камнем вымостят, нет сил на это болото смотреть.

Он недовольно поморщился, обвел взглядом запущенный двор и решительно направился к парадному входу.

Илинка

Я завернула за угол и только тогда перевела дух. Угораздило же нарваться на арна! И чего он в такую рань поднялся? Весь Белвиль спит, а ему нейметя! Еще и туман этот. Я ведь заметила графа в самый последний момент, едва успела за кусты спрятаться, думала, отсидеться смогу, да где там? У арна нюх звериный, сразу учуял, я по напрягшимся на спине мускулам поняла.

– Войко, сколько раз тебе говорить, дрова надо ровно складывать!

А вот и Салта. С утра пораньше уже орет. И почему ей вечно все не так?

Я припустила быстрее. Через полчаса общая побудка, а мне еще нужно успеть белье простирнуть и помыться. Вчера намаялась со Златкой, присела на кровать, думала, отдохну пару минут и встану, а проснулась уже утром.

За шиворот попала холодная капля, и я вздрогнула. И когда уже потеплеет? Вроде, Ожен на носу, а погода никак не наладится. Помню, когда только попала в Белвиль, все ждала, что дожди прекратятся и солнце выглянет. Время шло, с неба вместо воды белые хлопья полетели, грязь во дворе замерзла, тропинку лесную сугробами завалило, а солнце так и не появилось. «Стобард – край вечных туманов, – объяснял мне Микош. – Оно ж так и переводится со старого языка: сто – край, бард – туман. Вот так-то, девка. Знай, куда тебя судьба занесла».

Ведра оттягивали руки, но я привычно не обращала внимания на их тяжесть. Что тут идти-то осталось? Вон уже и флигель виднеется. Несколько шагов, щелястая дверь громко захлопнулась за спиной, в коридоре привычно темно.

До комнаты добежала за считанные минуты.

– Старшая заходила, – встретила меня соседка.

Она сидела на постели, и в сером утреннем свете многочисленные синяки на ее белой коже выглядели устрашающе. Мне тут же вспомнилось, каким я увидела арна у дождевой бочки: на смуглой коже капли воды блестят, мокрые подштанники плотно облепили ноги и ягодицы, влажные длинные волосы спадают на бугрящуюся мышцами спину, руки сплошь темными волосами покрыты. И грудь тоже, но это уж я потом разглядела, когда он повернулся. А еще мне показалось, что я когти видела – черные, острые, слегка загнутые. Такими кожу пропороть – раз плюнуть.

«Больно?» – с сочувствием взглянула на Златку.

– Не бери к сердцу, – отмахнулась та. – Это только выглядит ужасно, а так ничего, терпимо.

Как же, терпимо! Вон царапины какие глубокие!

– И охота тебе все время воду таскать? – вздохнула Златка. – Чай, не благородная, каждый день мыться.

Благородная не благородная, а к грязи так и не привыкла за два года. Все тело зудит и уснуть не могу, если вечером мокрой тряпицей не оботрешь.

Я поставила ведра на пол рядом с табуреткой, налила немного воды в таз и скинула рубаху. Кожа тут же покрылась пупырышками. Ох уж этот холод Белвиля...

Я провела тряпкой по шее, вытерла лицо и руки, посмотрела на почерневшую воду и грустно вздохнула. Без мыла тут не обойтись, а мое еще третьего дня закончилось. Как ни растягивала, а до ярмарочной распродажи все равно не хватило...

– Возьми у меня на полке, в старой банке из-под масла, – словно услышала мои мысли Злата. – Я вчера в бане кусок стащила, пока арн не видел, – она хитро улыбнулась и подмигнула. – Не задаром же честь девичью отдавать?

Ну, положим, с честью девичьей Златка уже лет десять как рассталась, сама рассказывала, а вот предприимчивости соседке не занимать.

Я заглянула в банку и обнаружила там небольшой кусочек душистого мыла – белого, пахнущего розами и жасмином, с красивыми выпуклыми узорами и маленьким штампом дома Шартен. Оно словно пришло из той, другой жизни, про которую я уже начинала забывать, и на душе стало тоскливо.

– Эй, ты чего замерла? – окликнула меня соседка. – Опоздаешь – Салта с тебя голову снимет! Давай быстрее!

Это да. Салта терпеть не может, когда кто-либо на работу опаздывает. Мы ведь с Милицей должны до завтрака управиться: дров натаскать, камин в гостиной и кабинете вычистить и растопить, убрать за собой все, чтобы, не дай Создательница, и соринки нигде не осталось. И только потом можем свою миску каши получить с ломтем черствого хлеба.

– А я думала, ты теперь совсем умываться не будешь, – задумчиво обронила Златка.

Я тоже так думала. А вот как походила неряхой, так и передумала. Не смогу. К тому же и арн на меня внимания не обращает, вон, сколько раз уж виделись, а он как на пустое место смотрит.

Я торопливо намылила тряпицу, провела ею по щекам и принялась оттирать черные следы. Спустя несколько минут вода в тазике стала темной, а мое лицо приобрело свой первоначальный цвет.

Во дворе раздался звон колокола. Два удара. Значит, до начала общего сбора осталось пятнадцать минут.

– Красивая ты все-таки девка, Илинка, – задумчиво сказала Злата, наблюдая, как я заплетая волосы. – Недаром на тебя Данко заглядывается. Зря ты от него нос воротишь, он парень хоть куда. Жила бы сейчас, как сыр в масле, и не в нашей конуре, а в башне. И ела бы досыта, и спала, сколько вздумается.

Соседка вздохнула, видимо, представив, каково это – с утра до ночи ничего не делать и теплые калачи есть, а я только рукой махнула. Ни к чему мне Данко, да и остальные охранники тоже. Не для меня такая жизнь – без венца, без любви, по одной только выгоде. Нельзя мне через себя переступать, Паница не раз говорила, чтобы я за честь свою держалась и на что попало ее не разменивала.

«Как бы плохо ни было, терпи, – наставляла она меня в тот последний день. – И честь девичью блюди, на блага мирские не разменивай».

– Ты чего застыла? Не слышишь? Колокол бьет! – поторопила меня Златка, и я, затянув на рубахе пояс, выскочила за дверь.

До людской добежала быстро. Салта, при виде меня, посмотрела на большие настенные часы и нахмурилась. Видать, надеялась, что я опоздаю.

– Соседка твоя где? – грозно спросила она. – Спит еще? Или думает, что коли с арном ночь провела, так теперь в благородные выбилась и может от трудов отлынивать?

Я попыталась знаками объяснить, что арн отстранил Златку от работы, но злобная баба сделала вид, что не понимает.

– Чего ты мне тут руками машешь? – прошипела она. – Иди, передай этой лишманке, что если через пять минут не появится, я ее мигом из замка вышвырну. На ваши места завсегда желающие найдутся!

Это да. В империи с работой туго, да и платят везде гроши. А в Белвиле хоть и тяжело, но на деньги не скупятся, и кормят, опять же.

– Чего стоишь, глазами лупаешь? – прикрикнула на меня старшая. – Тащи сюда соседку свою, ленивицу.

Да как я ее притащу? Златка с постели еле поднялась, куда уж ей по этажам резвой козочкой скакать?

Я отрицательно помотала головой и показала на себя, объясняя Салте, что готова за двоих отработать.

– За двоих? Ну что ж, сама напросилась, – недобро ответила старшая. – Потом не ной.

Она ненадолго задумалась, позвякивая связкой ключей, и распорядилась:

– Значит, так. Каминны растопишь, уберешься в людской и черную лестницу вымоешь, а потом в подвал спустишься. Там нужно картошку перебрать, десять коробов, что справа от входа стоят. Да поторапливайся. Если до ужина не успеешь, сама знаешь, двери запрут, там и ночевать останешься. Никто ради тебя порядки нарушать не будет.

Это точно. Порядки в Белвиле заведены строгие. К ночи все подсобные помещения должны быть закрыты, а мост – поднят. Это указ еще старого хозяина, лорда Вацлава, деда лорда Штефана. И выполняется его распоряжение неукоснительно.

Я кивнула Салте, а та недобро зыркнула своими узкими глазками и махнула на меня рукой. Так, будто кур выгоняла.

– Чего застыла? Иди уже, коль вызвалась!

Она хотела что-то добавить, но отвлеклась на подошедшую Грильду. Кухонная работница опоздала и теперь пыталась незаметно проскользнуть в людскую. Я взмахнула руками, пытаюсь отвлечь внимание Салты, но старшую было не провести.

– Вы поглядите, еще одна ленивица явилась! – загородив собой вход, загремела она. В голосе домоправительницы послышалось мрачное удовлетворение. – Как работать, так не дозовешься, а как денежки получать – так вперед всех!

– Простите, дана Салта, – покаянно забубнила Грильда, но старшая, раздосадованная тем, что не удалось на нас со Златкой зло сорвать, уже разошлась.

– Колокол когда бил? Еще десять минут назад! – разорвалась она. – А ты где была? Спала? Голос Салты перешел на визг.

– А работать за тебя кто будет? Я?

Глупышка Грильда попыталась оправдаться, но сделала только хуже. Лучше бы молчала. Салта тут же затянула свою привычную песню о том, что только она в Белвиле не покладая рук трудится, а все остальные – лодыри и бездельники.

Я не стала слушать эти громогласные вопли. Незаметно выскользнула из людской, воспользовавшись тем, что домоправительница нависла над Грильдой и освободила проход, забрала в подсобке ведро и пошла наверх, в столовую. При хозяевах там всегда в первую очередь камин разжигали, а потом уже в гостиной и кабинете, так мне Микошка говорил.

Наверху было тихо. Я вошла в большой зал, на всякий случай быстро огляделась и только после этого направилась к камину. Огромный, побитый временем очаг был старым и каким-то сиротливым. Он темнел черным провалом посреди обшитой дубовыми панелями стены и печально поблескивал невысокой решеткой. Я посмотрела на нее и расстроено вздохнула. Только вчера все до блеска начищала, а уже и не видно. Копоть одна кругом. Руки привычно потянулись за тряпкой. Успеть бы управиться, пока Лершик не появился, или хозяина нелегкая не принесла. Интересно, граф всегда так рано встает, или только сегодня? А завтракать где будет – здесь или у себя? Лучше бы у себя. Не больно-то хочется ему на глаза попадаться.

Я быстро выгребла золу, почистила каминную решетку и попыталась разжечь огонь, но тот разгораться не хотел. То ли тяга сегодня плохая была, то ли дрова отсыревшие, только не горели они и все! Уж я и так, и эдак поленья укладывала – и все бестолку.

– Чего ты там возишься?

Голос арна раздался так неожиданно, что я невольно дернулась и ударила головой о каминную полку. От боли захотелось зажмуриться, но я пересилила себя и повернулась.

Лорд Крон стоял прямо передо мной, разглядывая рассыпавшиеся дрова. На нем был простой темный камзол и темные же штаны. А лицо казалось осунувшимся. Полчаса назад, у бочки, нормальным было, а сейчас – усталым и побледневшим.

– Дай сюда, – протянул он руку.

Я вложила в нее кресало.

Арн молча отодвинул меня от камина, присел перед ним на корточки, потрогал дрова, принюхался к чему-то и хмыкнул.

– Это кто ж тебя так не любит? – повернулся он ко мне.

Я настороженно посмотрела в синие – вовсе не красные! – глаза.

– Кто-то поленья мраловым корнем натер. Ты их до вечера разжигать будешь, – пояснил арн.

Он поднялся, окинул взглядом полную светло-коричневых дров подставку и спросил:

– В гостиной камин еще не горит?

Я отрицательно помотала головой.

Граф, не говоря ни слова, вышел, но не успела я понять, что к чему, как он уже вернулся, неся большую охапку буковых и дубовых поленьев.

– Вот эти попробуй.

Он сгрузил дрова на пол и, оттащив от стола стул, сел и уставился на меня тяжелым, немигающим взглядом. А глаза-то снова краснотой наливаются...

Мать-Создательница! Руки дрогнули. Что, если у меня не получится? Так ведь и работу потерять недолго!

– Чего ждешь? – поторопил меня граф.

Я постаралась скрыть волнение, присела перед камином и принялась складывать поленья. Это только на первый взгляд кажется, что все легко и просто, а на самом деле целая наука. Оно ведь как? Если камин для красоты и уюта разжигают, тогда дрова нужно шалашиком устанавливать. Правда, они прогорят быстро и тепла почти не дадут. А вот для отопления поленья по-другому укладываются. Вниз, вдоль топки очага – самые толстые, дубовые, второй слой – из коротких буковых полешек. Он поперек кладется и должен быть чуть потоньше. Потом нужно еще одно дубовое полено положить, а уже сверху, к самой стенке – щепу. Так камин долго гореть будет, и тепло по всей комнате разойдется. Этой науке меня Паница научила.

Сухие щепки занялись мгновенно – затрещали, застрекотали, загалдели. Огонь весело перекинулся на дубовое полено, лизнул буковые полешки.

– Кто тебя научил так дрова складывать? – будто подслушав мои мысли, спросил арн.

И как мне ему ответить?

– Отец?

Я отрицательно покачала головой.

– Брат?

А граф настырный! Вон, как цепко глаза смотрят. И отсветы в них багровые появились.

– Наставник? – не унимался лорд Крон.

Я кивнула. Так и есть, только не наставник, а наставница.

– Читать-писать умеешь? – последовал следующий вопрос.

Я утвердительно мотнула головой.

– Занятно, – словно про себя, заметил граф.

Он продолжал буравить меня взглядом, а я, вместо того чтобы опустить глаза, уставилась на арна и застыла, снова застигнутая врасплох тем, что творилось в сине-алой глубине. Недовольство, настороженность, интерес, раздумье – там было так много всего... И меня в сердце будто ударило что-то. И захотелось ближе подойти, ладонью по небритой щеке провести...

– Значит, так, – резко сказал арн, и я очнулась. – Чтобы я этого рванья больше не видел, – он брезгливо скривился, разглядывая мою штопаную рубаху. – Плачу вам по тридцать стависов, а выглядите, словно нищие оборванцы.

У меня от удивления глаза на лоб полезли, и все мысли глупые будто волной смыло. Какие тридцать стависов? Да я таких денег уже сто лет в руках не держала.

Граф смотрел на меня, и лицо его с каждой секундой мрачнело все больше.

– Понятно, – после небольшой паузы, сказал он. – И сколько же ты получаешь?

Я показала два пальца.

– В месяц?

Я помотала головой.

– В год?

Я кивнула. Глаза арна полыхнули алым, и я снова замерла, застигнутая врасплох зарождающейся в них бурей.

– Убью мерзавцев! – выдохнул лорд Крон и полоснул меня гневным взглядом.

Я невольно отшатнулась.

Лорд Крон поморщился. Он провел рукой по лбу, словно отгоняя дурные мысли, и сказал уже более спокойно:

– Одежду вам всем выдадут. Завтра. И чтобы больше я этого убожества не видел, – арн кивнул на мою рубаху.

Выдадут? А деньги из жалованья вычтут? Разве будет хозяин задаром рубахи раздавать?

Я расстроено вздохнула. Правильно Микошка говорил. «Вот посмотришь, Илинка, придет милорд, и тут совсем другие танцы начнутся», – посмеивался конюх. Видать, начались.

Граф поднялся со стула и молча пошел к выходу. А я смотрела ему вслед и думала о том, какие еще перемены нас ждут.

Штефан

– Ваше сиятельство, там вас у ворот спрашивают.

– Кто?

Он смотрел на Лершика, а сам прикидывал, замешан дворецкий в воровстве или управляющий один бесчинствовал.

– Военный какой-то. Не захотел представиться, – в голосе Лершика слышалось недовольство.

Еще бы! Это ж какое вопиющее нарушение правил – гость имя не пожелал назвать. Штефан хмыкнул.

– Проводи его в гостиную, – велел он, так и не придя ни к какому выводу. Интуиция подсказывала, что дворецкий причастен ко всему, что происходит в Белвиле, но вот доказательств не было. По документам, которые Штефан успел просмотреть, выходило, что Лершик исправно исполнял свои обязанности, получал ежемесячное жалование и ни к каким аферам слизняка отношения не имел. А вот к Винкошу у него теперь совсем другой разговор будет. Двадцать восемь стависов в год с каждого слуги. Пятнадцать слуг, восемь дворовых работников, десять человек охраны... И так двадцать лет. Хорошо нажился управляющий. От души брал, с размахом.

– Винкош где? – спросил он.

– Вещи собирает, Ваше сиятельство, – настороженно ответил дворецкий, и в глазах его сверкнул упрямый огонек.

– Вели ему ждать в кабинете. Разберусь с гостем, подойду.

– Ваше сиятельство, дозволено ли мне будет сказать?

Лершик весь как-то подобрался и склонил голову набок.

– Говори.

– Дан Винкош – толковый управляющий. В Стобарде другого такого не найти. Лорд Меклер его давно к себе переманить пытался, и лорд Кобаш клинья подбивал. Вы бы не рубили сгоряча, Ваше сиятельство.

Глазки дворецкого снова недобро блеснули, а кончик длинного носа еле заметно дернулся.

– Посмотрим, – хмыкнул Штефан, все больше склоняясь к мысли, что управляющий на пару с дворецким воровал. Чутье подсказывало, что эти двое заодно действовали. И еще неизвестно, кто главным был. – Веди сюда гостя, посмотрим, кто там пожаловал.

– Сию минуту, милорд.

Лершик поклонился и направился к лестнице.

Штефан задумчиво смотрел ему вслед. Высокий, похожий на крючковатую сухую палку дворецкий шел, слегка раскачиваясь, шаркая и почти не поднимая ног. Длинные полы его черного кафтана скособочились и хлопали при ходьбе, а редкие седые волосы спадали на худую спину неопрятной косицей. Штефан попытался вспомнить, сколько же Лершику лет. Дворецкий служил еще при его деде. Потом при отце. И вот теперь ему достался. Этакая семейная белвильская реликвия, переходящая из поколения в поколение, от старого владельца к новому. И ему предстояло решить, сохранить эту традицию, или положить начало новой.

Штефан провел рукой по лбу, откидывая назад мешающиеся пряди, и вошел в распахнутые двери гостиной. Раньше, во времена первых Кронов, здесь был тронный зал. На стенах до сих пор оставались старые гобелены, изображающие короля Драго и приносящих ему дары иноземцев. Творения белвильских мастериц потемнели от времени, их яркие краски поблекли, но все еще можно было отчетливо рассмотреть и крупного мужчину, сидящего на троне, и алую мантию, спускающуюся на каменные ступени, и склонивших головы вассалов, и напы-

ценных аверских послов. Десять гобеленов, по пять на каждой стене. А сами стены простые, не облагороженные дубовыми панелями. Грубая кладка, неровные швы, потемневший от времени камень.

Штефан прошел к неудобному, с высокой спинкой креслу, и сел в него, вытянув ноги к камину. Шустрая девчужка уже успела разжечь огонь, и сейчас тот громко трещал, поедая толстые поленья.

Штефан сжал деревянные подлокотники. Простые, некрашенные, отполированные руками нескольких поколений хозяев Белвиля. На правом было небольшое углубление. Он помнил его с детства. И трещину на левом – от старости дерево рассохлось и разошлось глубокой некрасивой раной, обнажив розоватые слои букового основания. Когда-то в этом кресле любил сживать его дед. Причем сидел всегда ровно, не облокачиваясь. Лорд Вацлав на дух не переносил расслабленности и никогда, даже в самые преклонные годы, не позволял себе согнуться или откинуться на спинку кресла. Единственное, что дед допускал, это опереться на подлокотники. Железный был лорд. Несгибаемый.

– Вот я и вернулся, дед, – тихо сказал Штефан. – Как ты того и хотел.

Здесь, в этой комнате, все выглядело так, будто лорд Вацлав еще жив. На небольшом столике стоял круглый штоф со сливовой ратицей и старинная пузатая рюмка из толстого стекла. На ореховой подставке лежали любимые дедовы трубки. В небольшом, расписанном яркими узорами шкафике хранились древние рукописи, которые лорд Вацлав собирал почти семьдесят лет. В них были старые стобардские легенды о Скароге, заклинания и наговоры, пророчества о роде Кронов и сложенные несколько веков назад баллады о первом короле.

Долгими зимними вечерами, когда за окнами валил снег, лорд Вацлав любил сживать в кресле и перелистывать страницы стобардской истории.

Штефан будто воочию увидел костлявую фигуру деда, его длинные седые волосы, сухие, обтянутые пергаментной кожей руки, ярко сверкающие на пальцах перстни. Относительно новый золотой, с большим черным бриллиантом, и старинный серебряный, в виде волчьей головы, передающийся в их роду каждому новому владельцу Белвиля. Штефан посмотрел на свои пальцы. Может, последовать традиции и тоже надеть фамильное кольцо? Или ограничиться золотым?

– Ваш гость, милорд, – голос дворецкого заставил Штефана отвлечься от размышлений. Он поднял голову и растерянно моргнул, не веря своим глазам. Вот это сюрприз!

– Бранко! Ты откуда здесь взялся?

Штефан привстал, неверяще глядя на бывшего вестового. Бранко Кражич, старый друг и соратник, шел к нему от двери и широко улыбался. Его грубое, словно выточенное из корявого куска дерева лицо светилось от радости, а из-под кустистых бровей ярко зеленели раскосые глаза.

– Ты же в Рагницу собирался.

Штефан встретил друга коротким объятием.

– А я, Ваше сиятельство, передумал, – хитро осклабился Бранко. – Служба моя хоть и закончилась, а все ж не по-людски это, командира бросать. Оно ж и в мирной жизни не помешает, когда есть кому спину прикрыть.

– А как же твоя Райна? – спросил Штефан. – Ты ведь жениться собирался. Я уже и подарок в Рагницу отправил.

По лицу Кражича прошла тень.

– А Райна теперь мужняя жена, – нарочито равнодушно ответил Бранко. – Не стала она дожидаться, пока я из Варнии вернусь. Выскочила за пекаря, сидит теперь в лавке, калачами торгует.

Что ж, обычная история. Женщины – существа непостоянные, их слово и нъера ломаного не стоит. Вот и Кражичу пришлось на себе эту истину испытать.

Штефан не стал больше ничего выяснять.

– Останешься? – просто спросил он.

– Коли не прогоните, – сверкнул глазами Бранко. – Вы же знаете, я за вами и в огонь, и в воду.

– Лершик, вели на стол накрывать, – обернулся к дворецкому Штефан. – И вина принеси лигерского, что в подвале хранится. Да побыстрее.

– Слушаюсь, милорд, – Лершик бросил взгляд на Бранко и зашаркал к двери.

Правда, Штефан был уверен, что стоит дворецкому выйти из комнаты, как вся его старческая немощ тут же исчезнет. Видел он, как тот на работников орет и каким коршуном на служанок наступает. С утра понаблюдать сподобился, как с пробежки вернулся.

– И как вас отчий дом встретил, Ваше сиятельство? – посерьезнел Бранко.

– Садись.

Штефан кивнул ему и вернулся в дедово кресло.

– Сам видишь. Разруха кругом. В отчетах, что управляющий присылал, все складно да гладко было, а на деле...

Штефан не договорил и задумчиво посмотрел на друга.

– Бранко, ты ведь до войны у Стромеча служил? – спросил он.

– Да. Десять лет почти.

– Вот ты говоришь, что готов в огонь и в воду. А в управляющие пойдешь?

– А чего ж не пойти, коли надобность такая возникла?

Бранко хитро улыбнулся, отчего его дубленая кожа пошла кривыми складками и полез в карман за трубкой.

– А старого вы уже выгнали?

– Вещи собирает. Но я его выпускать не собираюсь, пока не выясню, куда мои деньги ушли.

– По-крупному брал?

– Судя по всему, не стеснялся.

Штефан подошел к столу и плеснул в рюмку ратицу.

– Держи, – протянул ее другу.

Бранко одним махом опрокинул в себя сливовицу, шумно выдохнул и довольно крякнул.

– Остаюсь! – помотал он головой. – Если тут такую ратицу гонят, так я готов хоть до конца жизни на Ваше сиятельство горбатиться!

Штефан усмехнулся и снова доверху наполнил пузатый дедов стаканчик.

– Я рад, что ты приехал, Бранко, – серьезно посмотрел на друга.

– Не поверите, Ваше сиятельство, но я тоже рад, – расплылся в улыбке Кражич.

Илинка

В подвал я спустилась после обеда. Было там темно и холодно, а низкие своды нависали над самой головой. Хорошо, что Создательница не наделила меня высоким ростом, иначе пришлось бы сгибаться в три погибели, а так я только голову слегка наклонила да подол подобрала, чтобы не споткнуться.

Я сбегала по неровным ступеням, сунула факел в крепление, запасной воткнула в соседнее и огляделась. Вдоль стен выстроились в ряд огромные бочки с соленьями, на полках высокие деревянные короба стоят, на полу ящики с овощами громоздятся. И конца-края подземелью не видно, за аркой первого зала темнота такая, что хоть глаз выколи.

Микошка говорил, что подвалы подо всей старой частью замка тянутся и переходят в подземные ходы, которые к самому сердцу Алмазных гор ведут. Правда, Лершик обозвал его старым дурнем и заявил, что никаких ходов нету. «Мелешь языком почем зря! – недовольно фыркнул дворецкий. – Точно баба старая!». Знать бы, кто из них прав?

В подвалах я бывала нечасто, тут больше кухонные девки хозяйничали. Златка эти подземелья терпеть не могла. «Это сейчас тут припасы хранятся, – делилась со мной соседка. – А раньше, в старые времена, под замком темница была. Бабка сказывала, арны своих врагов в оковах держали до самой их смерти, никто отсюда живым не выбрался».

Я окинула взглядом мрачное помещение и поежилась. Да, очень похоже на тюрьму. Вон и крюки в стены вбитые, и цепи на них ржавые. На мгновение мне даже показалось, что я слышу звон кандалов.

«Ох и богатое у тебя воображение, Илинка!» – шикнула на себя, поправила на плечах теплый платок и решительно направилась к коробам с картошкой.

Работы предстояло много. Нужно было перебрать клубни, рассортировать на крупные и мелкие, удалить загнившие, а годные переложить в сухие короба. В общем, только успевай поворачиваться.

Я вздохнула и выдвинула первый ящик. Картофель в нем был чуть сморщенным, но без глазков. Как и во втором. И в третьем. Вроде, и весна на дворе, а в подвале температура такая, что овощи свежими лежат, не портятся. И сырости нет, что странно. Снаружи бесконечные дожди, а тут сухо.

«Предки наши не дураки были, – вспомнились мне слова Микошки. – Знали, на каком месте замок строить. Видишь, какое у него основание? Во-о-от! Гора. Скала неподвижная. А еще, говорят, первые арны кровью своей место это заговорили, чтобы непоколебимо дом их стоял до скончания веков».

Я сортировала картофель, а мысли бродили, где им вздумается. От прошлого замка к настоящему перешли, а там и к хозяину Белвиля свернули. Было в арне что-то такое, отчего внутри и страшно, и одновременно щекотно делалось. И хотелось в глаза его, не отрываясь, смотреть. И лицо разглядывать. Вот, вроде и не красавец писанный, и черты резкие, и от канонов имперских далек, а столько в нем силы нечеловеческой скрыто, что невольно дух захватывает. Граф напоминал мне вирош – обережный орнамент с потайными знаками внутри. О нем мало кто знал, а меня Паница научила, показала, как на изнанке судьбы тонкие нити оберега вплести и от чужих взглядов скрыть. Вот бы попробовать арну такой вышить! Давно у меня подобных желаний не возникало, а тут прям как в сердце толкнуло, и фрагменты вироша перед глазами возникли.

Я так задумалась, что не заметила, как выронила из рук клубень. Наклонилась, чтобы поднять его, да так и застыла, заслышав какой-то звук. Тихий, медленный, с небольшими промежутками, будто чье-то сердце стучит. Тук-тук... Тук-тук... У меня от страха мороз по коже прошел. Что за лиховщина? Я поднялась с перевернутого ящика, на котором сидела, и устави-

лась в темноту. Стук не умолкал. Он становился то громче, то тише, бился в такт моему собственному сердцу, въедался в мозг своей неотвратимостью, гулом заполнял все пространство вокруг. Мне показалось, что даже стены ему в такт вибрируют.

«Мать-Создательница! Неужто тут души неупокоенные остались?».

Не успела я так подумать, как в подвале наступила тишина. Будто и не было ничего. И как я не прислушивалась, никаких подозрительных звуков больше не услышала.

А время шло. И картошки еще шесть ящиков осталось. Не успею перебрать – ни мне, ни Златке не поздоровится!

Я отвела со лба выбившиеся из косы волосы, решительно придвинула очередной короб и ухватила большой, покрытый глазками клубень. И пусть себе любопытство страдает, не буду я думать о том, откуда этот звук взялся. Не буду – и все! Мне и без того забот хватает.

– Эй, убогая, ты там? – послышался сверху высокий голос Минки.

Интересно, чего она здесь забыла? Минка была второй горничной, убиралась на хозяйском этаже, и с нами, простыми служанками, никогда не разговаривала. Не считала достойными своего общества.

Я оторвалась от работы и посмотрела на лестницу. На верхних ступеньках появились хорошенькие тувельки на каблучках, подол синей юбки и кокетливо выглядывающая из-под нее вышитая кайма рубахи. Минка, в отличие от нас, чернорабочих, всегда была щеголихой. В любовниках у нее сам начальник стражи ходил, вот она и форсила.

– О чем с тобой хозяин разговаривал?

Минка спустилась на несколько ступеней, и я смогла увидеть ее лицо.

– Ну? – притопнула она ногой.

Я развела руками.

– Не прикидывайся! Когда надо, ты все, что угодно, объяснить можешь, – не отставала Минка.

Я равнодушно пожала плечами и взялась за очередной клубень.

– Чего рожу отворачиваешь? Я тебя насквозь вижу! – разозлилась горничная. – Хочешь из грязи выбраться? Решила к хозяину в постель залезть? Так вот, запомни: не бывать этому! Он моим будет. И только попробуй мне дорогу перейти! Уничтожу.

Она резко крутанулась, отчего ее юбки взметнулись, открыв ноги почти до колен, и потопала наверх. А я усмехнулась и потянулась за очередной картофелиной. Тоже мне, угроза! Что она может? Дрова мраловым корнем натереть? В камин воды плеснуть? Салте наябедничать? Так мне не привыкать нагоняи получать. И тут внутри словно ледяной волной обдало: а что, если Минка любовнику нажалуется? Ганза – мерзкий тип. Даром, что глава стражи, а сам – бандит бандитом. А еще он с Лершиком дружбу водит, они друг друга прикрывают, делишки вместе обтяпывают. В прошлом году лес хозяйский кадарцам продали втихаря, нынешней зимой серебряные кубки – старые, еще прадеду лорда Штефана принадлежавшие, – заезжим купцам сторговали. Об этом никто, кроме меня, не знает. Да и я бы не узнала, если бы не мое проклятое любопытство. Или наблюдательность, как деликатно называла это качество матушка.

Я раздумывала над словами Минки, а сама фасовала картошку по разным ящикам. Мелкая, крупная, средняя... Хорошая, проросшая, гнилая... Для кухни, для свиней, выкинуть...

Время летело незаметно, и вот уже в последнем коробе показалось дно, а вскоре он и вовсе опустел. Я поднялась и разогнула уставшую спину. Все. Осталось только по местам все расставить да мусор вынести, и можно считать, что работа выполнена.

Я поставила ящики на деревянные настилы, оттащила короба с отходами к лестнице и понесла один из них наверх.

Интересно, сколько сейчас времени? Судя по тому, что живот от голода сводит, ужин не за горами. Представилась горячая, исходящая паром каша, жареные потроха с подливой, и я налегла плечом на низкую дубовую дверь.

Та не поддалась. Что за чудеса? Я толкнула сильнее. Бесплезно. Снаружи грохнул висячий замок, и я поняла, что меня закрыли. Ну, Минка! Ну, мстительная дрянь! И что теперь делать? Кричать-то я не могу! Остается только по двери лупить, авось, кто-нибудь мимо будет проходить и услышит.

Я поставила ящик на пол и принялась колотить по темному некрашеному полотну. Оно заходило ходуном, но не поддавалось. Сначала я била кулаками, потом, когда руки заболели, принялась колошматить ногами, но толку с того было чуть. Устав, села у двери и подперла щеку кулаком. Бесплезно. Дверь подвала выходит на задний двор, а там до утра, пока птичницы не придут кур кормить, точно никто не появится. Придется мне в подземелье ночевать.

От этой мысли стало так тоскливо, что хоть плачь. Я поежилась и поплотнее затянула на груди платок. Покуда картошку сортировала, холода особо не чувствовала, а сейчас и по спине потянуло, и ноги заледенели. До утра я тут точно не высижу, замерзну. Вскочив, что было силы застучала по дубовой преграде. Грохот разносился по подвалу, эхом отражался от стен, гулял по залам подземелья, но снаружи никто не отзывался. Проклятая Минка! И чего она ко мне привязалась? Всех по себе судит. Если сама готова к арну в постель прыгнуть, так думает, и остальные служанки о том же мечтают.

Я посмотрела на ящик с гнилой картошкой и в сердцах пнула его ногой. Правда, потом опомнилась, подхватила короб и пошла вниз. Раз уж осталась в подвале, придется устраиваться на ночлег. И ничего тут не поделаешь.

Со ступеней спускалась уже не так бодро, как поначалу. Усталость брала свое. Ноги стали тяжелыми, неподъемными, ящик оттягивал руки, глаза сами собой закрывались. Сейчас даже тощий, набитый соломой тюфяк, на котором я обычно спала, представлялся мне самым мягким и желанным на свете, а наша со Златкой каморка – лучшей комнатой в мире. Оказаться бы там, зарыться в подушку и уснуть. Только сначала поужинать. Или хотя бы хлеба ломоть съесть.

Внизу показалось еще холоднее, чем было до этого. Я поменяла факел на новый, составила несколько ящиков один на другой и устроилась сверху, поджав под себя озябшие ноги. Вот посижу немного, а потом встану и похожу. Глядишь, так до утра и продержусь. Главное, не заснуть, иначе точно замерзну.

Я согнулась, обняла себя руками и уткнулась лицом в колени. Рубаха успокаивающе пахла дымом. Время шло, в подземелье было удивительно тихо, усталость брала свое, и я сама не заметила, как задремала.

Мне снилось море. Синее-синее, такое, каким оно бывает теплым летним днем. Оно ласково вило у ног белой пеной, тихо рокотало, весело поблескивало солнечными зайчиками. «Жизнь – жи-и-ить... – шумели волны. – Жи-и-изнь – жи-и-ить...». Мелкая рыжая галька тихо поддакивала, торопливо пришепечывая: – «Живи-живи... Живи-живи...».

Я шла по берегу, придерживая длинный подол любимого василькового платья, и смотрела под ноги, выискивая круглые контрики – плоские желтые камешки с дырочкой внутри. У нас в монастыре из них браслеты делали. А Селена с Маницей умудрялись даже целые ожерелья вывязывать. Для этого особый талант иметь надобно, чтобы из громоздких камней кружевную красоту сотворить. У меня так пока не получается, но я учусь. Вот насобираю еще с десяток и попробую в матушкино ожерелье вплести, вместе с оберегом.

Я наклонилась и подобрала блеснувший среди гальки контрик.

Море плеснулось к ногам, бормоча свою песню, и на душе стало так светло и покойно, что захотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался.

– Это моя судьба, я на своем пути, – тихо пела я услышанную недавно песню. – Моя жизнь течет, в ритме биения сердца...

Волны ласково набегали на берег, ветер дул в лицо, утреннее солнце было нежным, как руки матушки. И казалось, что впереди меня ждет что-то очень хорошее. Может, матушка раньше времени приедет, а может, и Дамир заглянет.

Я пела все громче, мой голос разлетался далеко вокруг, пустынный берег оживал, окрашиваясь разноцветными звуками. Да, я всегда видела то, о чем пою. Нежно-лиловый – судьба, красный – сердце, желтый – путь. И тут вдруг откуда-то взялся темно-серый, гранитный. Он вплелся в мое разноцветье тихим стуком. «Тук-тук... Тук-тук... Тук-тук...». Поначалу звук был тихим, едва уловимым, но время шло, и этот стук становился все громче, все тревожнее, перекрывая и шум ветра, и шорох прибоя, и скрип гальки. Он набирал обороты, ускорялся, тревожно отдавался внутри, и я уже не знала, слышу ли его на самом деле, или загадочный стук бьется в моих венах, в моем сердце, в моей душе. Этот настойчивый звук привязал меня и повел за собой, прочь от взволнованной синей глади, прочь от разноцветных всполохов песни и от всего, что я любила и что считала своей жизнью.

«Тук-тук... тук-тук... тук-тук...». Стук все ускорялся, заставляя меня спешить. Я уже почти бежала. Море осталось позади, исчезло, будто его и не было. Вокруг стало темно, и эта темнота тянула меня куда-то, не давая опомниться, не позволяя перевести дух, не обращая внимания на мою усталость.

«Подожди! Хватит. Я не хочу», – взмолилась я и неожиданно смогла остановиться.

Стук прекратился.

Я открыла глаза и сначала даже не поняла, где оказалась. Факел, который я почему-то держала в руках, освещал низкие каменные своды, грубую кладку стен, неровные плиты пола. «Мать-Создательница! Да я же в подвалах Белвиля!»

Стоило мне так подумать, как стук снова возобновился. В нем не было угрозы. Он словно бы протаптывал тропинку к моей душе – мягко, настойчиво, осторожно.

Я обвела помещение взглядом. Оно было похоже на то, в котором хранились припасы, только здесь не было ни бочек с соленьями, ни шхонов с капустой, ни ящиков. Видно, я попала в один из пустых залов, что тянулись за первым, а вот какой по счету, сказать сложно. Помню, осенью, когда селяне картошку привезли, мы с кухонными девками мешки в подвал таскали, и я потихоньку ото всех в глубь подземелья пробралась. Уж больно интересно мне было посмотреть, что там. Только вот смотреть оказалось не на что. Каменные стены, неровный пол да толстые колонны – вот и все убранство.

Я прислушалась, пытаюсь понять, откуда именно идет настойчивый стук. Похоже, из расщелины в стене. Старая каменная кладка потрескалась от времени, и в ней появилась трещина. Вот именно оттуда и распространялся загадочный звук. Я приложила ухо к стене и прислушалась. Стук стал отчетливее. Мне даже показалось, что стены слегка дрожат ему в такт. Он звал меня. В сердце тонкой веревочкой вилась просьба-приказ. Душа рвалась куда-то, руки ощупывали стену, а я не могла сообразить, как тут оказалась и что со мной происходит. Что за сила управляет моим сознанием? Почему я ничего не могу с собой поделаться?

– Илинка! Куда тебя рагж уволок? – неожиданно послышался знакомый голос, стук мгновенно стих, ко мне вернулась способность управлять собственным телом, и я от радости чуть не разревелась.

Ясь! Пронырливый, вездесущий Ясь! Он меня нашел! Я готова была расцеловать этого злобного надсмотрщика, вот только сначала нужно было до него добраться.

Я развернулась и побежала на голос Яся, торопясь вернуться в первый зал.

– Где тебя носит, дурная девка? – надрывался помощник домоправительницы. – Ну, погоди у меня! Найду – за косы оттаскаю!

Эта угроза меня не напугала, наоборот. Я была согласна на любую выволочку, только бы вырваться из мрачного подземелья!

– Куда она подевалась? – послышалось тихое бормотание, и впереди показалось пятно света. – Илинка, это ты здесь? – спросил Ясь, выглянув из-за арки.

Я со всех ног кинулась к нему.

– Вот она, пропажа, нашлась, – увидев меня, грубо хмыкнул помощник Салты. – Ты чего в подземелья поперлась? Совсем головы нету? А если бы заблудилась?

Да я и сама хотела бы знать, чего меня туда понесло. И главное, как я во сне умудрилась столько пройти и не проснуться?

– Ну чего руками машешь? Пошли уже, дана Салта тебя обыскала. Иди, говорит, Ясь, найди эту лентяйку, это она нарочно, мол, в подвале прячется, от работы отлынивает.

Я попробовала объяснить, что меня закрыли, но Ясь не обратил внимания на мои попытки. Просто схватил за руку и потащил к выходу.

– Это уж ты дане Салте рассказывать будешь, мое дело маленькое – велено доставить, я и доставлю. А там уж сама...

Он посмотрел на меня с хитрым прищуром и добавил:

– Ох, и не поздоровится тебе, Илинка! Дана Салта уж больно гневается. Чего лыбишься? Не веришь? Ну так скоро на своей шкуре убедишься.

На меня эта угроза не произвела никакого впечатления. Перспектива остаться в подвале, в котором происходили странные и необъяснимые вещи, была гораздо страшнее. Лучше уж я вопли Салты вытерплю, чем еще раз услышу пробирающий до души стук.

– Ах ты ж, ленивая девка! Прятаться от меня вздумала? – изо рта домоправительницы летела слюна, глаза превратились в узкие щелочки, щеки гневно дрожали и оттого казались похожими на плохо застывший студень.

Я стояла посреди людской, вдоль стенок жались молчаливые служанки, а Салта, оперев руки в бока, наступала на меня и визжала так, что мне хотелось зажать уши ладонями или исчезнуть куда-нибудь подальше. Поначалу я еще пыталась объяснить, что меня закрыли, но старшая спросила Яся, а тот сказал, что дверь не была заперта. Вот и думай, то ли Минка вернулась и открыла, то ли Ясь решил меня подставить.

– В глаза мне смотри! – визг стал еще громче. В висках заломило от боли. – И стой ровно, когда с тобой разговаривают.

Если бы это было так легко! После дня, проведенного в подвале, спина ныла от усталости, а глаза слипались. Мне казалось, еще немного, и я улягусь на пол прямо тут, посреди людской.

– За двоих она отработает! Это ж надо было так врать! – разорялась старшая. – Что зенки свои вылупила? Ни стыда, ни совести нет! И подружка твоя такая же, весь день в постели провалялась! Ну ничего! Я из вас лень-то выбью! Вы у меня еще попомните!

Салта замолчала, и на лице ее появилось напряженно-задумчивое выражение. Наверняка, пыталась наказание поизощреннее придумать! Пожалуй, погорячилась я с выбором лучшей участи. Ночь в подвале уже не казалась мне такой страшной.

– Иди за мной! – придя к какому-то решению, прошипела старшая.

Она звякнула ключами и направилась к двери. Я пошла следом. Башмаки казались тяжелыми, я с трудом переставляла ноги, а в голове все еще звучал тихий настойчивый стук. Он казался мне таким явственным, что я невольно посматривала на Салту – может, она тоже его слышит? Но старшая быстро перебирала своими толстыми ножками и мчалась вперед со скоростью парусника. Она и похожа была на керецкую парусную лодку – тяжелая низкая корма, выступающие бедра-борта, обвисшая грудь – точь в точь, как приплюснутый нос керецки. И руки-весла – короткие, грубые, с маленькими отечными пальцами.

– Хватит мне спину буравить своими глазюками! – на ходу рявкнула старшая. – Все-то по ним видать, все мысли твои бесстыжие!

Да в том-то и беда! Еще матушка говорила, что глаза у меня выразительные, по ним и дуновение мысли видно. Вот Салта и придирается вечно, не нравятся ей, видать, эти дуновения!

– Шаг прибавь, чего еле плетешься? – не унималась домоправительница, сворачивая к кухне. Не успела я вслед за ней войти под низкую арку, как тут же увидела Златку. Та сидела в темном углу и чистила овощи. Соседка подняла на меня глаза и расстроено вздохнула. Вид у нее был такой больной и несчастный, а царапины на шее выглядели так устрашающе, что у меня от жалости сердце дрогнуло. А потом зло взяло. Что ж за зверюга наша домоправительница? Неужто у нее совсем души нет? Глядя на Златку, любой поймет, что ей плохо, а этой бабе все неймется.

– Как с картошкой закончишь, фасоль переберешь, – заявила Салта, шваркнув мне под ноги плетеную корзину для очисток. – А потом вымоешь всю кухню и кастрюли до блеска начистишь. Не успеешь до утра – можешь собирать вещички.

Старшая взглянула на меня своими змеиными глазками и повернулась к Златке.

– А ты не расслаивайся без дела, тебе еще плитку отмывать.

Златка только вздохнула, а кухарка Богдана – полная, сдобная, похожая на румяную краверскую булочку, сочувственно посмотрела на нее и громко шмякнула на разделочную доску шмат сала. На плите стояла большая кастрюля, из которой шел острый аромат мясной требухи, видать, на завтра на обед крапеецкая похлебка будет. Ее всегда на сале готовят.

Живот громко заурчал от голода.

– Чего застыла? Особое приглашение нужно? – рявкнула Салта, и я аж вздрогнула.

Правильно Микош говорит, злая баба и медведя напугает. Я опустилась на табуретку и придвинула бадью с картошкой. Златка молча подсунула мне нож.

– У-у, лишманки! – прошипела Салта и пошла к выходу, шурша накрахмаленными нижними юбками. Похоже, в честь приезда хозяина натянула, решила на арна впечатление произвести. Да только лорд Крон ведь не дурак, видела я, как он на старшую косился.

Стоило Салте выйти из кухни, как Златка разогнулась и посмотрела на меня с сочувствием.

– Как тебя угораздило? – спросила она.

Я попыталась знаками объяснить, что со мной приключилось.

– Минка? – слету ухватила основную мысль Златка. – Закрыла в подвале? Вот же подлая девка! И чего ей спокойно не живется? К арну приревновала? Ой, дура! Нашла из-за чего пакостить.

– Не скажи, – вмешалась в наш разговор Богдана. – Не просто так она злобится. Илинка – девка справная, ей внимание арна привлечь – раз плюнуть. А там, глядишь, и в старшие выбьется, умом-то ее Скарот не обидел. А то, что немая, так это даже лучше, хоть уши у всех отдохнут после Салты!

– Точно, – улыбнулась Златка. – Я бы не прочь с такой старшей работать.

Она потянулась за картошкой и едва заметно поморщилась.

Я только рукой махнула – придумают тоже, старшая! – и требовательно посмотрела на Златку.

– Что? – спросила та.

Я забрала у нее нож и кивнула на низкую скамью, стоящую в углу.

– Не хочу я лежать, тут работы на двоих до утра, – помотала головой соседка.

Я поднялась и потянула ее за руку.

– Отстань, Илинка! – уперлась Злата. – Ты одна не справишься. Хочешь на улице окататься?

Я уверенно замотала головой и показала на свои мускулы.

– Сильная? Дурочка ты маленькая! – беззлобно хмыкнула Златка. – Угробить себя решила?

Соседка была на восемь лет старше и считала себя взрослой женщиной, а меня – несмышленным ребенком. Но я не ребенок. Давно уже перестала им быть.

Я решительно потащила Златку к топчану.

– Иди, приляг, – поддержала меня Богдана. – Я Илинке помогу. Вот с похлебкой закончу, и помогу.

Златка попыталась сопротивляться, но мы с кухаркой ее уломали и заставили лечь, после чего вернулись каждая к своей работе: я – к корзине, а Богдана – к печи. Тонкая стружка кожеры ползла из-под ножа, очищенные клубни падали в бадейку с водой, огонь в печке тихо потрескивал. В тепле кухни мысли в голове ворочались ленивые, неспешные. И произошедшее в подвале казалось просто сном. Не могла же я и вправду непонятный стук слышать?

– Златка, спишь? – нарушила молчание Богдана.

– Нет, – отозвалась моя соседка.

– Болят раны-то? – с сочувствием спросила кухарка.

– Огнем горят, – неохотно призналась Златка.

А мне утром говорила, что не больно совсем! Геройствовала, пугать не хотела. Я покосилась на соседку и вздохнула. Выглядела та не очень.

– А с чего хозяин так озверел? – в голосе Богданы прозвучало недоумение. – Раньше-то, бывало, девки мечтали в постель к нему попасть, говорили, такой уж он по мужской части изобретательный да горячий. Да только не было того, чтобы зверя своего сдержат не смог. Вот лорд Годимир, тот страшный был. Сколько он девок покалечил! Да и не только девок. Говорят, первая жена его, леди Благика, от ран скончалась, не выдержала мужниной любви звериной. Ее в закрытом гробу хоронили, сказали, что болезнь лицо миледи обезобразила. Лорду Штефану тогда всего пять годков было. Граф после того притих, из Старкона в Брод переехал, затаился и лорду Вацлаву на глаза не показывался, очень уж тот невестку свою любил. А десять лет как прошло, так граф опять жену в дом привел – молодую, красивую, образованную. Леди Верика, говорят, в столицах жила, на трех языках говорить могла, на арфе музыку играть умела. Да только не спасло это ее от зверя! Недолго она в графинях проходила. Через три годочка и померла. То ли от страха, то ли от тоски.

Богдана вздохнула, вывернула содержимое большой сковороды в кастрюлю и, помешивая ложкой похлебку, задумчиво сказала:

– Лорд Штефан папеньку не любил. Как в пятнадцать из родительского дому ушел, так с тех пор больше и порог его не переступал. Кто говорит, граф сына выгнал, к юной жене приревновал, а Огнежка-травница сказывала, что молодой лорд сам сбежал.

– А ты откуда все это знаешь? – спросила Златка.

– Так мамашка моя кухаркой у старого хозяина была, лорд Вацлав ее стряпню любил, она ему самолично обеды и ужины в покой носила. Ну а я при кухне выросла, а тут ведь чего только не услышишь? Сама знаешь, к теплу печки все слухи тянутся.

Богдана накрыла кастрюлю крышкой и передвинула на край плиты. А потом села рядом со мной, взяла из корзины большой клубень, и из-под ее ножа зазмеилась тонкая стружка кожеры. На кухне стало тихо. Только дрова в печи уютно потрескивали.

Веки налились тяжестью. Я встряхнула головой, пытаюсь прогнать сон, и потянулась за очередной картошкой.

– А он и сейчас горячий, – неожиданно произнесла Златка. В голосе ее послышались незнакомые нотки – томные, тревожные, будоражащие.

– Кто? – посмотрела на нее Богдана.

– Лорд Штефан.

– Что, правду девки баяли?

Златка кивнула, а потом, спустя пару минут, добавила:

– Только вот любовь у него звериная, неласковая. Я как в баню вошла, так у него когти на руках и появились. И клыки. А взгляд такой сделался, будто угли в печи горят – алый, полыхающий. Страшный.

– А ты что?

– Да я с перепугу чуть не померла! А он ко мне шагнул и за руку взял. И все. Пропала я. Это уже потом, как все закончилось, боль почувствовала, а тогда...

Она бросила на меня взгляд и осеклась.

– Ладно, чего уж там вспоминать? Было и было.

Златка поморщилась и неловко повернулась на бок, а я разжала сжатые до боли пальцы. На правой ладони красный след от ножа остался. А в сердце словно кто ржавую иглу вогнал, так оно заныло. Не хотелось мне о любви арна слушать. И не слушать не могла.

– погоди, я тебе наливки налью, она боль притупит, – подхватила Богдана. – А ты, на вот, булку держи, – протянула она мне калач, а потом полезла в шкаф, достала пузатый графин, плеснула в стакан темно-красного напитка и поднесла его Златке.

– Вишневая. В прошлом году делала, – пояснила кухарка.

Я впилась зубами в мягкое, сдобное тесто и блаженно зажмурилась. Вкусно. Моя соседка одним махом выпила наливку.

– Сладкая, – улыбнулась Злата.

– Ложись. Через пару минут полегчает. Верное средство, – Богдана ласково погладила графинчик и убрала его на полку. – А что, девки, – повернулась она к нам. – Говорят, в Белвиле управляющий новый будет. Сегодня приехал. Ладный мужик, только сразу видать, что не здешний. Волосы светлые, в какие-то мудреные косицы заплетены, и глаза такие, будто зелень болотная в них разлита.

– Откуда ж он такой взялся? – спросила Златка.

– Ясь обронил, что пришлый с хозяином вместе много лет воевал. Правой рукой его был. Вот теперь, стало быть, у нас тут всем заправлять станет.

– А как же Лершик?

– А что Лершик? – пожала плечами кухарка. – Он как был дворецким, так и останется. Его ж никто не гонит.

Я прислушивалась к разговору, жевала калач, а сама думала. Хорошо это или плохо, что начальство сменилось? Винкош хоть и считался управляющим, да только нас не трогал. Сидел себе в Западной башне, письма отчетные строчил и ратицу трескал. А этот, новый, кто его знает? Вдруг он такой же, как хозяин? Тут от одного не знаешь, куда скрыться, а если у него еще и товарищ появился... Ох, как бы беды не вышло!

Я сдула со лба мешающиеся волосы.

– А вдруг он такой же зверь, как и милорд? – словно подслушав мои мысли, спросила Златка.

– А ты посмотри поближе, и узнаешь, – послышался от арки низкий насмешливый голос.

– Ох, лишеньки! – громко вскрикнула Богдана и резко обернулась, отчего ее крупная грудь мягко колыхнулась в вырезе блузки. – Напугали, дан.

– Да? – незнакомец вышел из темноты и оказалось, что он такой же высокий и крупный, как арн. Только вот на этом все сходство и заканчивалось. Волосы мужчины были светлыми, с выжженными солнцем белыми прядями, в глазах темная зелень мелькала, а крупный кривой нос красноречиво говорил о профессии хозяина. Видать, не раз его в драке ломали. Или в бою.

– Неужто такой страшный? – посмотрев на меня, подмигнул незнакомец.

– Скажете тоже, – смутилась Богдана. Она скомкала в руках полотенце, потом расправила его и тут же снова смяла и засунула в карман фартука. – Очень даже представительный

мужчина, – румянец на полных щеках кухарки заиграл еще ярче. – Вот только имени вашего не знаем, – она вопросительно взглянула на гостя.

– Бранко Кражич, – представился тот. – Новый управляющий Белвиля.

Он обвел взглядом помещение, посмотрел на прикорнувшую у печи Златку и уставился на меня.

– А что это вам, красавицы, по ночам не спится? – тон мужчины изменился. Из него полностью исчезли игривые нотки. – Или хозяин вам за позднюю работу приплачивает?

Он снова настойчиво посмотрел на меня, видимо, ожидая ответа. Ага. Прямо угадал, нашел самую разговорчивую...

– Чего молчишь, красавица? – не отставал пришлый.

– Так немая она, дан, – пояснила Богдана. – Слышать слышит, а говорить не может.

– Вот как? – в глазах мужчины мелькнуло сожаление. – Ну, а эта? – он кивнул на Златку. – Тоже немая? Или убогая?

– Нет, – хрипло ответила Златка.

– А чего свернулась вся, как старая кожа? – хмыкнул он и подошел к печи. – Это кто ж тебя так? – разглядев царапины и синяки, посерьезнел дан.

– Никто, – буркнула Злата. – Упала неудачно.

– Упала, говоришь? – задумчиво повторил мужчина.

Он внимательно оглядел мою соседку, перевел взгляд на меня и спросил:

– Почему не спите?

– Так наказанные они, – снова встряла Богдана. – Старшая велела до утра все овощи перечистить и кухню отдраить.

– Что натворили?

– Да вот эту дуреху в подвале заперли, она не успела к ужину вернуться, а эта...

Кухарка замялась, не зная, как объяснить, что со Златкой приключилось.

– Хворая она, хозяин велел ей лежать, а старшая подняла и наказала.

– Понятно, – кивнул дан.

Он посмотрел на бадью с чищенной картошкой, перевел взгляд на короб с фасолью и заявил:

– Уберите за собой все и можете идти спать. Я отменяю наказание. Со старшей сам поговорю.

Он нахмурился, хотел что-то добавить, но промолчал и пошел к выходу. Вскоре его крупная фигура растворилась в темноте.

– Вот и познакомились с новым начальством, – задумчиво сказала Богдана и встрепенулась. – Ладно, давайте, девоньки, приберем тут все быстренько, да и по кроватям.

Глава 3

Штефан

Небо висело низко, задевая городские ворота. Острые шпили башен вспарывали свинцовые тучи, высокая каменная стена терялась в клочьях тумана, наплывающего со стороны леса. Стобард. Древняя столица его графства. Небольшой, захудалый городишко, затерявшийся в самом сердце Алмазных гор, который давно уже потерял свою былую славу и величие. Наверное, только сами стобардцы могли считать его настоящей столицей.

Сердце тоскливо зануло. Вспомнился шумный и многолюдный Оленден, его широкие проспекты и богатые особняки, дорогие современные экипажи и магические повозки. Стобард ни в какое сравнение не шел с главным городом империи.

Штефан еле слышно выругался. Прошло уже больше седмицы с его возвращения на родину, а он все никак не привыкнет к местной бедности и разрухе. Будто в другое время попал.

– Ох, и погода! – донесся до него хриплый голос Кражича.

Штефан обернулся.

Бранко, задрав голову, недовольно смотрел на серую мать, притворяющуюся небом. Конь под ним тихо всхрапывал.

– Привыкай, – хмыкнул Штефан. – Здесь всегда так. Полгода дождь, полгода снег. А солнце если пару раз за год выглянет, считай, повезло.

– И за что ж Создательница Стобард так невзлюбила? – проворчал друг, поднимая воротник дорожной куртки.

– А она над нашими землями не властна, – прищпоривая коня, хмыкнул Штефан. – Тут Скарог правит, а у него для каждого немилостей с лихвой отмеряно.

Он смахнул со лба противную морось и крикнул другу:

– Шевелись, Бранко, иначе на обед к наместнику опоздаем.

– Думаешь, нас там ждут?

Кражич догнал его и пристроился рядом. Выложенная черным бренским камнем дорога стала шире, позволив им свободно ехать вдвоем.

– Сегодня срединник, в этот день в особняке вся местная знать собирается, так еще со времен деда заведено было, – ответил Штефан.

Он вспомнил, как лорд Вацлав собирался на эти встречи. Дед готовился к ним загодя. С вечера просматривал отчеты, делал для себя пометки, сверялся с учетными книгами. А на следующий день вставал раньше обычного, мылся в бане, надевал свой лучший камзол и велел закладывать карету. «Без хозяйского пригляда ни дом, ни город не выстоят, – любил повторять дед, заставляя Штефана терпеть ежеседмичную повинность. – Запомни, внук, холопам твердая рука нужна, даже если эти холопы высокие должности занимают».

– Не боишься, что за столько лет все изменилось? – в голосе Кражича прозвучало недоверие.

– В Стобарде перемен не бывает, – усмехнулся Штефан. – Здесь веками традиций держатся. Знаешь, как тут любят говорить? Обычай старше закона. Вот так.

– Ну, положим, у нас в Авертине традиции тоже чтут, – вспомнил родину Бранко. – Особливо, ежели они веры касаются или, скажем, семьи.

Друг неожиданно замолчал, и Штефан понял, что тот о своей неверной невесте подумал.

– А помнишь, как мы в Герцвене квартировали? – поспешил он перевести разговор. – Вот уж где традиции, так традиции!

– Еще бы не помнить! – воодушевился Кражич. – Каждому победителю ежегодных бегов бочку пива и девушку впридачу. Эх, хорошие времена были...

За разговорами они миновали ворота и, въехав в город, направились по главной улице к особняку наместника.

Штефан огляделся. За годы его отсутствия ничего не изменилось. Все те же невысокие двухэтажные домишки, похожие, как близнецы, прилепившиеся друг к другу стенами, словно родные. Все та же мощеная брусчаткой дорога. И все тот же аромат можжевельника, бражки и выпечки, доносящийся из открытых окон кабачков.

– Это что же, наместник тут вместо тебя всем заправляет? – рассматривая выцветшие вывески лавок и пивных, спросил Бранко.

– Еще один обычай, – кивнул Штефан, отмечая, что фасады выглядят облезлыми, словно побитая молью одежда. Бедно живут люди. Непростительно бедно. – Когда Кроны были королями, в каждой области Стобарда правил королевский ставленник. Времена изменились, королевства больше нет, а традиция осталась.

– И сколько у тебя таких наместников?

– Пятеро. По числу крупных городов графства.

– И все подчиняются Кронам?

– Да.

– Выходит, Ваше сиятельство, вы тут как были правителем, так и остались, – усмехнулся Бранко.

– Формально, – хмыкнул Штефан. – А на деле никто даже не помнит, как я выгляжу.

– Вот сейчас и вспомнят, – ухмыльнулся Бранко, и лицо его озарила улыбка, с которой друг обычно на самые непредсказуемые дела шел. – Ох, чувствую, тут тоже скоро головы полетят! Как думаешь, они уже знают о твоём возвращении?

– Вряд ли. Сам видишь, дорога какая. По такой грязи далеко не находишься, мы и то три часа потеряли, а повозка с провизией в Белвиле только раз в десять дней появляется, так что некому было доносить, что в замке делается.

Штефан придержал коня и остановился у высокого добротного особняка, парадное крыльцо которого выходило прямо на площадь Ахенве.

– Видишь, экипажей сколько? – спешиваясь, спросил он. – А ты говоришь, переменялось... Сколько бы лет ни прошло, а тут все одно и то же, ничего не меняется.

Он привязал коня к деревянному столбу и грохнул кулаком по двери. Спустя пару секунд та медленно приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянул длинный нос.

– Лорд Драговец не принимают, – раздался гнусавый голос, и дверь попытались закрыть, но Штефан не позволил. Он легко потянул на себя створку, отодвинул с порога тщедушного плюгавенького дворецкого и вошел в дом.

– Идем, Бранко, – позвал он друга. – Посмотрим, чем таким важным наместник занят, что своего господара встретить не пожелал.

За его спиной что-то упало. Штефан обернулся.

– Ваше сиятельство, простите, не признал, – залепетал дворецкий, пытаясь протиснуться мимо Кражича. На полу Штефан заметил осколки фарфоровой вазы. – Его милость сейчас обедают. Я немедленно доложу о вашем приезде.

– Не нужно, – остановил его Штефан.

– Не торопись, дружок, – Бранко попридержал рвущегося вперед дворецкого. – Его сиятельство дорогу знает.

– Но... Его милость... Без доклада... – заюлил перепуганный старик.

Штефан не стал слушать бессвязный лепет и пошел к столовой, которую помнил по прошлому визиту в Стобард. Он тогда приезжал на похороны отца и заехал потом к наместнику,

обговорить новые пошлины и сборы. Интересно, Драговец все такой же толстый боров, каким был двадцать лет назад?

Ответ на этот вопрос Штефан получил уже спустя несколько минут. Стоило ему войти в большую заполненную людьми столовую, как он тут же вычленил среди гостей тучную фигуру хозяина дома. Кастимир стал еще толще и уродливее, чем он помнил. Наместник сидел во главе стола и с аппетитом обгладывал баранью ногу. Руки и губы его лоснились от жира, на щеках ярко алел румянец, толстые, униженные перстнями пальцы цепко держали добычу. Справа от него сидела молодая, красивая женщина в дорогом шелковом платье, слева – щуплый мужчина с узким, вытянутым лицом и тонкими, почти бескровными губами. Штефан узнал в нем наместника Старкона, Стрена. Напротив разместился Крейчек, глава местной гильдии купцов. Справа от него сонно клевал носом Прачек, владелец нескольких подворий для бедных, а рядом с ним сидел судья Пиверень.

На Штефана никто из них не обратил никакого внимания. Лишь женщина подняла глаза, и он увидел, как быстро меняется их выражение. Сначала в них было недоумение, а потом появилась томная поволока и откровенный призыв. Что ж, животное начало во многих сильно. Вот и эта почувствовала его зверя, потянулась, потекла, готова хоть сейчас перед ним ноги раздвинуть.

Дворецкий, ужом вывернувшись из хватки Бранко, тоненько выкрикнул:

– Ваша милость, тут к вам лорд Крон пожаловали!

Жирные руки Драговца дрогнули. Наместник поднял взгляд, уставился на Штефана и затрясся, задрожал весь, став похожим на енецкий студень. Баранья нога выскользнула из его ослабевших пальцев и смачно шлепнулась в тарелку, оставив на белоснежной скатерти некрасивые бурые пятна.

– Ваше сиятельство...

Желеобразная туша попыталась подняться.

– Ваше сиятельство, да как же это? – бормотал Кастимир, и складки на его животе некрасиво колыхались. – Вы бы предупредили, мы бы вас встретили. Ох!

Хозяин дома выбрался, наконец, из-за стола и, задыхаясь, двинулся к нему.

– Ну что вы, лорд Драговец? К чему лишние хлопоты? Я ненадолго. Хотел посмотреть, как в Стобарде дела обстоят, а заодно и своего нового управляющего представить.

– Нового? – в порсячких глазках наместника мелькнул страх. – А с даном Винкошем что случилось?

– А нету больше дана Винкоша, – Штефан сделал паузу, в упор глядя на Кастимира.

В столовой стало так тихо, что слышно было тиканье часов в нагрудном кармане судьи.

– Как нету? – сишло переспросил наместник, потянув узел шейного платка, и остановился, будто не в силах идти дальше.

Женщина поднялась со своего места, оказалась рядом с Кастимиром и взяла того под руку. Но взгляд ее так и оставался прикованным к лицу Штефана. И губы призывно атели, приоткрывшись в своей влажной сочности.

– Дан Пиверень, какое наказание полагается за крупное воровство у господара? – усмехнулся Штефан, позволяя клыкам удлиниться и показывая их присутствующим. Давненько здесь арнов не видели, позабыть успели, кому служат. Ну да ничего. Он напомнит.

Судья растерянно оглянулся по сторонам, словно в попытке найти поддержку среди сидящих за столом, но гости отводили глаза и молчали.

– Дан Пиверень? – поторопил Штефан.

Председатель местного суда дернулся, как от удара, и торопливой скороговоркой пробормотал:

– Ежели по имперским законам – отрубание руки. А ежели по нашим, стобардским, тогда казнь через повешение.

– Вот видите, – улыбнулся Штефан, с удовлетворением заметив, как побледнели окружающие. – Вы сами ответили на вопрос, куда делся мой бывший управляющий.

– Ваше сиятельство, вы его что, казнили? – испуганным шепотом переспросил наместник и закашлялся. Его крупное тело содрогалось, на лбу выступил пот, руки тряслись, отыскивая что-то в карманах штанов.

– Вот, возьмите, дорогой, – тихо сказала женщина, подавая Кастимиру тонкий белоснежный платок.

Значит, Драговец все-таки женился. И эта дамочка – его супруга.

Наместник утер пот и дрожащим голосом переспросил:

– Ваше сиятельство, это ведь не шутка, нет? Дана Винкоша... казнили?

– Именно так, лорд Драговец, – подтвердил Штефан. – Чтобы прочим неповадно было.

Он обвел взглядом застывших истуканами гостей и жестко добавил:

– Жду всех завтра в Белвиле. С собой возьмите необходимые счета и документы. Дан Кражич проверит их и доложит мне. Безоблачного дня, даны.

– Ваше сиятельство, не соблаговолите ли присоединиться к нашему скромному обеду? – попыталась остановить его леди Драговец.

Призыв в ее глазах стал почти очевиден.

– В другой раз, миледи, – небрежно поклонился Штефан.

Он резко развернулся и вышел из столовой. Бранко молча последовал за ним.

– А говорил, на обед останемся, – хмыкнул друг, спускаясь с лестницы.

– А у меня аппетит пропал, – в тон ему ответил Штефан. – Ничего, мы с тобой сейчас к Дымарю завернем. Таких колбасок с чесноком больше нигде не найдешь. А какое у него крапивное пиво! Лучшее в крае.

Дверь захлопнулась за их спинами, отрезав взволнованный гул голосов, и Штефан, вскочив на коня, направил его к Старо-Кроне, улице мясников и пивоваров.

– Здесь самые главные кабаки Стобарда собраны, – пояснил он другу. – А вот и заведение дана Дымаря!

Они с Бранко как раз подъехали к невысокому, выкрашенному охрой дому. Его низкие окошки почти вросли в землю, дверь была открыта нараспашку, приглашая всех желающих зайти и отведать знаменитой похлебки из свиного желудка и острых колбасок. Изнутри доносились веселые звуки скрипки и крепкий мясной дух. Яркая, недавно подновленная вывеска раскачивалась на ветру и уныло скрипела.

– Пахнет вкусно, – повел носом Бранко.

Штефан ничего не ответил, только усмехнулся. Что еще друг скажет, когда Дымарь перед ним блюдо с лоснящимися от жира бандерскими поставит!

– Никак Его сиятельство пожаловали?

Не успели они с Кражичем войти, как невысокий грузный хозяин торопливо выбрался из-за стойки и низко поклонился. В глазах его не было страха. Скорее, удивление и... радость.

Штефан хмыкнул. Надо же, признал. Спустия столько лет признал...

В душе шевельнулось что-то вроде благодарности. Поди ж ты! Первый человек в Стобарде, который рад его видеть.

– Надолго к нам, Ваше сиятельство? – подошел ближе Дымарь.

Хозяин кабака был и сам похож на бандерскую колбаску – крепкую, тугую, с тонкими перевязками и кружочками жира.

– Надолго, Блажден, – ответил Штефан, и именно в этот момент понял то, что подспудно зрело внутри вот уже несколько дней. Он обвел глазами темный зал, сидящих за столиками и напряженно прислушивающихся к их разговору людей, остановившего игру скрипача, и добавил: – Навсегда.

– Так за это ж не грех и жватицы выпить, а, Ваше сиятельство? – на полном благодушном лице Дымаря появилась лукавая усмешка, а музыкант провел смычком по струнам и заиграл задорную «Кецку».

– Неси, – кивнул Штефан, усаживаясь за стол. – И пива крапивного неси, и колбасок, и похлебки своей знаменитой.

– Ото ж разом! – кивнул хозяин кабачка и гаркнул, обернувшись к двери кухни: – Квитка! А ну тащи сюда все, что есть!

– Дан Блажден, так тут много чего есть! – высунулась из проема веснушчатая физиономия.

– Вот все и неси! – махнул рукой Дымарь.

– Что, и плацинды?

– От дурна девка! Если я сказал – все, значит, все! У нас сегодня праздник. Господар наш вернулся!

Дымарь вытащил из-за пояса фартука чистое, вышитое по краям полотенце, утер им потное, будто промасленное лицо и мечтательно добавил:

– Ото ж какая теперь жизнь у нас начнется! При законном-то правителе! – он отвлекся на тощую веснушчатую девицу, выскочившую из кухни с огромным подносом. – Квитка, я ж тебе сказал, все неси!

– Так у меня всего две руки! – беззлобно огрызнулась девка, полоснула по Штефану любопытным взглядом и бухнула поднос на стол. – А я одна! И помощницу вы мне уже какой месяц обещаете, да никак не наймете.

Она ловко выставила горшок с похлебкой, блюда с румяными плациндами, две глиняные миски, ложки, сунула им с Бранко полотняные полотенца и снова побежала на кухню.

Штефан наблюдал за мельтешением худых жилистых ног, выглядывающих из-под короткого подола вышитой национальной юбки, и неожиданно вспомнил другие ножки – маленькие, ладные, в грубых кожаных башмаках, торопливо летящие над грязью белвильской тропинки.

И глаза вспомнил. Синие, большие, прозрачные, до самой души пробирающие. Наверное, сложно с такими жить. Не каждый взгляд их выдержит.

– Вы уж простите Квитку, Ваше сиятельство, – отвлек его Блажден. – Язык у девки, что помело, но не выгонишь, уж больно хорошо готовит. А вот и пиво вам, – на столе оказались большие запотевшие кружки. – Отведайте, господар.

Старое обращение неожиданно пришлось по сердцу, затронуло какие-то струнки в душе, потянулось к корням. Оно словно бы соединяло его с этим местом, с людьми, с вечно хмурым небом и непроходимыми лесами Стобарда.

Штефан поднял кружку, кивнул Бранко, приглашая попробовать, и коснулся губами пышной, пахнувшей имбирем и солодом пены.

– Доброе пиво, – довольно крякнул Кражич, одним махом выпив кружку и потянувшись за второй.

– Доброе, – согласился Штефан, и Дымарь облегченно выдохнул и довольно заулыбался.

– Колбаски вот, закусывайте, – грохнула тарелками Квитка.

От горячих, с пылу-жару, бандерских шел острый чесночный дух, и Штефан почувствовал, как рот наполняется голодной слюной. И то, с утра, кроме яишни, считай, не ел ничего. Некогда было.

Он придвинул большую глиняную тарелку.

Бранко, тем временем, уже успел ухватить румяную колбаску. Друг откусил ее и расплылся в довольной улыбке.

– Вкусно, – одобрил Кражич. Он обвел взглядом посетителей кабачка и вернулся к Блаждену. – Хороший у вас повар, дан Дымарь, – похвалил друг.

– Ото ж золотые слова! – смущенно крикнул хозяин заведения и, поклонившись, торопливо направился к кухне. Вскоре его сбитая фигура в длинном черном фартуке исчезла за раздвижными деревянными дверями.

– Дымарь никому не доверяет колбаски жарить и пиво варить, – пояснил другу Штефан. – Сам все делает. И секретов не выдает.

– Дельный мужик, – одобрительно заметил Кражич и неожиданно посерьезнел. – А вот наместник у вас, Ваше сиятельство, дерьмо-человек, – понизил голос друг. – Нутром чую, такой же вор, как и Винкош.

Штефан отставил кружку и задумчиво посмотрел на Бранко.

– Предлагаешь и его вздернуть?

– А почему бы и нет? Видно же, что вор и мошенник.

– Не выйдет, – покачал головой Штефан. – Драговец – барон, и в покровителях у него сам герцог Краунец. Как бы мне ни хотелось избавиться от него прямо сейчас, действовать придется осторожно.

– Эх, Ваше сиятельство, привыкли вы все просчитывать и продумывать, – хмыкнул Бранко и усмехнулся. – А видали, как они струхнули, когда про Винкоша услышали? Особенно этот жирный боров.

Штефан кивнул. Струхнули, да. Потому как повязаны тут все.

Он вспомнил предрассветную темноту двора, испуганные лица слуг, темный силуэт виселицы, рыдающего Винкоша. Жалел ли он о том, что пришлось казнить воровитого слизняка? Нет. Заслужил. Столько украсть за двадцать лет... От богатого некогда имения почти ничего не осталось. И ладно бы, только его обворовывал, так ведь и у слуг последние крохи отбирал, страже гроши платил. Цифры сами за себя говорят.

А вот с остальными все не так просто. Винкош подельников сдал, а доказательств их вины нет. И дворецкий, и глава стражи перед законом чисты. И хоть знает Штефан, что оба заслуживают наказания, а сделать ничего не может. Пока не может.

Он нахмурился. Слишком долго графство простояло без хозяина. Слишком распоясалась местная верхушка. И наместники, и чинуши, и судейские. До них он пока добраться не может, но вот устроить, поставить на место, чтобы не зарывались, показать, кто здесь господарь – вполне способен. Теперь, когда они знают, что в графстве снова действует старый закон, поостерегутся так уж явно на рожон лезть.

– Ничего, командир, – словно подслушав его мысли, тихо сказал Бранко. – До всех доберемся, никто от расплаты не уйдет.

Штефан кивнул. Как всегда, друг без слов понимал все, что он думал.

– Доберемся, – подтвердил он и усмехнулся. – Ешь похлебку, Бранко. Остынет.

Обратно возвращались уже по темноте. Грязь под копытами лошадей чавкала особенно мерзко, с какими-то злорадными всхлипами, деревья нависали над дорогой угрюмыми черными стражами, луна скрылась за тучами, и им с Бранко приходилось пробираться едва ли не наощупь.

Нужно было раньше выезжать, по свету. Но как тут уедешь, когда Блажден такой пир закатил? Да и не хотелось ему в замок, оттягивал, как мог, возвращение под мрачный кров родового гнезда. Тяжело ему там было, маотно. И зверь беспокойно себя вел, далеко не уходил, к самой коже пробивался, принюхивался ко всему, присматривался. Не доверял.

– Слышь, командир, – нарушил молчание Бранко. – Я тут спросить хотел...

Друг замолчал, и Штефан почувствовал его напряжение.

– Спрашивай, – поторопил он.

Почему-то казалось, что Кражич хочет спросить о неприятном, о том, о чем сам Штефан предпочел бы не говорить.

– Ты со зверем своим в ладах?

Голос Бранко звучал настороженно.

Штефан усмехнулся. Что ж, вот он и прозвучал, неприятный вопрос. Знает его Кражич, ой, как хорошо знает! Долго примерялся, седмицу целую, а теперь вот спросил.

– Почему спрашиваешь? – уточнил он.

– Да я тут на днях девчонку на кухне видел, – ответил друг. – Уж больно раны у нее...

Приметные.

Штефан поморщился. Ту первую ночь под родной крышей он помнил плохо. Можно сказать, выпала она из его жизни, словно и не было. Что творил, где его носило – одному Скарогу ведомо. Знает только, что зверь на свободу вырвался, не смог он его удержать, а еще почему-то прикосновение маленькой крепкой руки к животу запомнилось, жар, от нее по телу прошедший, и глаза любопытные, синие, как вода в Затонке, и такие же прозрачные, кажется, посмотри подольше – и всю душу, до самого дна увидишь.

– Сильно я ее?

А голос сипит, как не его.

– Раны глубокие, – после паузы ответил Бранко.

– Скажи, пусть лекарь осмотрит. И денег выдай. Двадцать стависов.

– Сделаю. Но ты не ответил, командир. Со зверем твоим что?

Друг редко обращался к нему на ты. Только наедине, когда никого поблизости не было и никто не только услышать, но и увидеть их не мог.

– Со зверем я разберусь, – уверенно ответил Штефан. – Ты мне лучше скажи...

Он не договорил. Поднял руку, призывая друга в молчанию, и настороженно прислушался. Впереди, эрах в пятидесяти, кто-то был. Он слышал биение сердца, ощущал исходящие от чужака волны злобы и страха, чувствовал зловонное дыхание. О, а вот и еще несколько... Подальше от первого, в засаде сидят, а этого, судя по всему, дозорным выставили.

– Помнишь Стройденские болота? – придерживая коня, негромко спросил Штефан.

– Еще бы не помнить, – настороженно отозвался Бранко.

Да, тогда им пришлось туго. Вдвоем против десяти наемников.

– Пятеро.

Друг понял его мгновенно. Спешился, взял коня под уздцы и шагнул к нему, забирая поводья и дожидаясь, пока Штефан окажется рядом, на скользкой грязи. Та уныло хлюпнула под ногами.

– Привяжи лошадей, – тихо сказал Штефан, а зверь уже пробивался из-под кожи темной шерстью, когтями, мышцами перевитыми. И глаза менялись, перестраивая зрение, обостряя очертания окружающего мира, подстраиваясь под темноту ночного леса.

Бранко молча выполнил приказ.

– С дозорным я разберусь, – еле слышно сказал Штефан. – Вон то дерево видишь? – он указал на ствол орсты, белеющий далеко впереди. – Там четверо. Заходи справа.

Кражич кивнул, и Штефан нырнул в придорожные кусты.

Ничего не подозревающего дозорного он обошел по дуге. Высокий, нескладный детина прятался за деревом и наблюдал за дорогой, нетерпеливо вытягивая шею. Приближение Штефана он даже не почувствовал. Только в последний момент, когда рука с когтями накрыла его лицо, дернулся и попытался закричать, но тихий хруст позвонков пресек этот бесполезный порыв.

Штефан оставил бездыханное тело и двинулся дальше, заходя в тыл оставшимся врагам. Интересно, кто их наниматель? Император? Или наместник? Кто из них? Обоим его существование поперек горла. Георгу не нужен живой герой Варнской войны, гораздо удобнее чтить

память погибшего военачальника, а со временем вычеркнуть его имя из исторических хроник и приписать победу над сильным и, как считалось, непобедимым врагом себе. Да, император вполне мог натравить на него наемников, чтобы потом представить все обычным разбоем. А наместник... Тут тоже все понятно. Драговецу невыгодно присутствие в крае законного господара Стобарда. Столько лет самолично правил, творил, что хотел, и был уверен в собственной безнаказанности, а тут хозяин вернулся. Конечно, Кастимиру не по душе его возвращение, да и смерть Винкоша могла спровоцировать наместника на отчаянные действия.

Штефан беззвучно крался по мягкому, пружинящему под ногами мху, и напряженно размышлял. В том, что ждали именно его, он не сомневался. По этой дороге в такую распутицу почти никто не ездит, и уж тем более ночью. Мог ли наместник так быстро среагировать?

Впереди показались гладкие стволы орств, а за ними – спины четверых наемников. Штефан не стал медлить. Отдал всю власть зверю, и тот молнией метнулся к ничего не подозревающим воинам.

Бранко выступил из темноты одновременно с тем, как он свалил первого наемника. Короткие вскрики, шум борьбы, довольные чавкающие звуки поливаемой кровью грязи – сражение вышло недолгим. Всего пять минут – и враг оказался повержен. Зверь удовлетворенно рыкнул и исчез, а Штефан огляделся вокруг. Трое убитых, один раненый. Он специально одного оставил, выяснить хотел, откуда пташки прилетели, кто их надоумил.

– Имя нанимателя? – резко спросил Штефан у оставшегося в живых наемника.

– Пошел ты! – грубо бормотнул тот и грязно выругался.

– Я-то пойду, – посмотрел на него Штефан. – Только сначала ты мне имя скажешь.

– Все одно, помирать, – со злостью выплюнул наемник. Его заросшая физиономия скривилась от боли.

Луна выглянула из-за туч, и в ее свете стало хорошо видно рваную рану на груди и распоротое бедро, из которого толчками текла кровь. Штефану хватило одного взгляда, чтобы понять, что парень не жилец.

– С чего бы мне тебе одолжение делать? – просипел наемник.

– Помнится, была у меня собака, – вмешался Бранко, неторопливо вытирая тряпицей окровавленный нож. – Хорошая, понятливая. Только воровитая. И сколько я ее ни учил, а она так и норовила что-нибудь стащить. И ладно бы только у меня тащила, так ведь к соседям полезла. В курятнике поозоровала, птицу передушила. Знаешь, что я с ней сделал? – посмотрел друг на раненого. Тот напрягся, настороженно наблюдая, как Бранко проверяет острие ножа. – Я ее к дереву подвесил и кишки выпустил, – спокойно сказал Кражич. – Долго она умирала. Ты как хочешь? Как человек умереть, быстро и легко, или как та собака – до утра висеть и на внутренности свои любоваться? Выбирай.

Друг посмотрел на наемника, а Штефан усмехнулся. Историю эту он уже не раз при схожих обстоятельствах слышал. Только вот не было никогда у Бранко собаки. И кишки он никому, кроме врагов, не выпускал. Это у друга такая воспитательная байка была, как он сам говорил, для добровольного выбора, чтоб нагляднее показать непонятливым, что их ждет. «Мы ведь толстокожие, командир, нас угрозами не проймешь. А вот историей жизненной – запросто».

Похоже, наемник проникся. Глаза его забегали, дыхание участилось.

– Скажу, если отпустите, – прохрипел он.

Штефан помолчал, а потом кивнул:

– Говори.

– Поклянись Создательницей, что отпустишь, – потребовал раненый.

– Райна мне свидетель, – ответил Штефан.

– Сам я нанимателя не видел, – задыхаясь, произнес наемник, – но слышал, как старший его лордом Свардом называл.

Значит, все-таки император. Не захотел по-хорошему. Через нового главнокомандующего избавиться решил.

Штефан посмотрел на Бранко. Тот помрачнел, глаза его недобро сверкнули, а губы шевельнулись, беззвучно прошептав проклятие. Друг тоже понял, откуда ветер дует.

– Что ж, ты свободен, – бросил Штефан наемнику.

Тот дернулся, пытаясь встать, но не смог и, застонав, пополз в сторону дороги. Грязь смачно чавкала от каждого его движения, радостно принимая кровавую жертву, а Штефан наблюдал за раненым, думая о том, как сильно в человеке желание жить. Из последних сил, но ползет, от смерти уйти пытается.

– Зря отпустил, – Бранко сплюнул, глядя на жалкие попытки наемника сбежать.

– Ты рану его видел? Ему от силы полчаса осталось, – ответил Штефан и добавил: – Поехали. А то эти олухи опять мост поднимут, их тогда не дозовешься.

– Разогнать бы всех к рагжу, – поморщился Бранко. – Не замок, а сборище кретинов.

Штефан только хмыкнул. Эти плохи, а где других взять? Кого не найми, еще хуже окажутся.

– А что, командир, может, кого из наших ребят позовем? – не отставал Кражич.

Он уже думал об этом. С самого первого дня в Белвиле. И даже решился написать, да все недосуг было.

– Если император решил тебя убрать, он ведь не остановится, – мрачно добавил Бранко. – В замке нам верные люди нужны, а не тот сброд, что на воротах стоит.

– Напиши парням, предложи приехать и пообещай хорошее жалованье, – сказал Штефан. – И подъемные.

– Сделаю, – повеселел Кражич.

Друг отвязал лошадей, подвел Штефану его коня, вскочил в седло и добавил:

– Ох, и обрадуются ребята! Это ж куда лучше, чем наемниками идти.

– Главное, чтобы согласились, – не спешил радоваться Штефан. – Стобард – не столица, здесь не всякий приживется.

– Эх, командир, плохо ты о наших парнях думаешь, – упрямо мотнул головой Кражич. – Они за тобой хоть к рагжу пойдут, не то, что в Стобард.

– А это почти одно и то же, – тихо пробормотал Штефан, трогая коня.

Они проехали совсем немного, когда увидели раненого наемника. Тот лежал посреди дороги, раскинув руки и уставившись в небо пустыми неподвижными глазами.

– Помер, – обронил Кражич.

Штефан ничего не ответил. Он думал о том, что это только начало. Император не отступит. За этими наемниками последуют другие, в ход пойдут проклятия и наговоры, или высшая императорская милость – бокал с ядом. Только вот и он не привык отступать. Штефан любил жизнь. Любил сильно, неистово, жадно. Так, как может любить человек, хорошо знающий, что она способна оборваться в любой момент.

– Подзадержались мы, – сказал он и прищипорил коня. – Не отставай, Бранко! Дома ратица ждет и банька горячая!

– И бабы? – в голосе друга послышался смешок.

– И бабы, – подтвердил Штефан.

А перед глазами снова маленькая точеная фигурка мелькнула, и он тряхнул головой, прогоняя непрошеное видение. Не хватало еще на девчонку заглядываться! Хороша синеглазка, да только не такая ему нужна. Зверю крепкие девки нравятся, сильные, в теле. А эта... Сожми покрепче, и пополам переломится.

Штефан прищипорил коня и помчался вперед. Кражич несся следом. Грязь летела из-под копыт лошадей, ветер бил в лицо, а он вдыхал полной грудью влажный ночной воздух и чувствовал себя удивительно живым, будто кто сил прибавил.

Не дастся он. Не раз уже смерть обманывал и сейчас сдюжит. К рагжу императора и его свору. Он, Штефан Крон, потомок стобардских королей, никому не позволит распоряжаться своей жизнью!

Глава 4

Илинка

– Как думаешь, зачем нас всех собрали? – шепотом спросила Златка, беспокойно поблескивая глазами.

Я только плечами пожала. Кто знает, что за блажь арну в голову пришла?

– Что, если опять кого казнить вздумают? – не унималась соседка.

После смерти Винкоша в замке только и разговоров было о том, кто следующим будет. Лершик с Салтой затаились, даже на нас кричать перестали, глава стражи который день трезвым ходит, а сами стражники по ночам не спят, замок охраняют, выслуживаются. Новый управляющий, дан Кражич, спуску им не дает, тренироваться заставляет, сам с мечом против них становится, по двору гоняет, как кутят малых. А девки наши из окон кухни наблюдают и млеют. Уж больно им пришлый дан по сердцу пришелся, целыми днями шушукаются, Милку, которая ему в бане прислуживала, расспрашивают, а та и рада стараться, расписывает то, что под одеждой у дана скрыто, во всех подробностях. И волосы, дескать, у него по всему телу золотые, и руки крепкие, а уж по мужской части так и вовсе удалец. Только мне ее байки не интересны. Была нужда про чужие утхи слушать?

– Вон и стол поставили, как будто к суду готовятся, – не унималась Златка. – Ой, гляди, дан Кражич идет! – голос соседки изменился, в нем появились мягкие, воркующие нотки. Подруга поправила ворот нового форменного платья и выпятила грудь. – Вот сейчас и узнаем, для чего нас всех собрали.

Она приосанилась, во взгляде ее загорелся огонек, как и всегда, когда Златка видела дана Кражича.

Я знала, что подруге нравится новый управляющий. «Арн, конечно, хорош, – рассуждала она. – Да только больно уж он от нас далеко, мы для него и не люди вовсе, а так, грязь под ногами. А дан Кражич из простых, и обхождение у него простое. И не боюсь я его ничуть». Златка мечтательно вздыхала и норовила управляющему на глаза попасться. Да и тот на нее с интересом поглядывал. Правда, больше никак не выделял. И в баню третьего дня не Златку позвал, а снова Милицу. Та потом сутки напролет взахлеб рассказывала, какой дан Бранко сильный да обходительный, и как с женщинами обращаться умеет.

– Все здесь?

Управляющий обвел взглядом собравшихся в Малом зале слуг и прошел к деревянному креслу. Работники настороженно замерли. За ту седмицу, что с возвращения хозяина прошла, жизнь в замке совсем другой стала, что ни день, то перемены. Арн из города артель привез, те специальные отводы для воды делают, и двор бренским камнем мостят. Внизу, на первом этаже, тоже перестройка идет. Всю рассохшуюся мебель граф приказал на заднем дворе сжечь, а в пустых комнатах полы заново перестилают да стены затирают рофусом. От него камень как новый становится, и потемневшие швы светлеют. А еще арн велел всю прислугу переодеть в новую форменную одежду, как в настоящих благородных домах. «Чтобы я этого убожества больше не видел», – сказал хозяин, разглядывая переминающихся перед ним с ноги на ногу слуг. Вот и сейчас, видать, опять какие-то новшества будут, не зря же нас всех собрали?

– Лорд Крон распорядился составить на каждого из вас сказ, – усевшись за стол, произнес управляющий. Голос у него был громким, в самом дальнем уголке большой залы слышался. – Имя, место рождения, возраст, должность. Знакомы ли с грамотой, есть ли родные, сколько лет в Белвиле служите.

Мать-Создательница! Только этого не хватало.

Я невольно поежилась. С чего вдруг такая блажь? Зачем арну знать о нас все подробности? И что, если он их проверить решит? Сердце тревожно екнуло.

– Я называю имя, вы подходите и отвечаете на вопросы. Понятно? – спросил дан Кражич, и его пристальный взгляд прошелся по слугам.

Те молча закивали головами.

– Вот и хорошо, что понятно, – усмехнулся управляющий. Он взял в руки перо и произнес: – Станимир Лершик.

Дворецкий, шаркая, вышел вперед и остановился перед столом.

– Год и место рождения, – посмотрел на него дан Кражич.

– Тысяча семьсот двадцатый, Стобард, – с достоинством ответил дворецкий.

Его длинный нос чуть дрогнул, кустистые брови нахмурились, а складки век скрыли зоркий обычно взгляд.

– Родственники есть?

Дан Кражич не поднимал головы от бумаг, но мне почему-то казалось, что он прекрасно видит и Лершика, и всех стоящих вокруг.

– Сестра проживает в Старконе.

– Грамоте обучен, – это не было вопросом, но дворецкий замялся.

– Дан Лершик?

Управляющий посмотрел на старика. Тот продолжал мяться.

– Понятно, – негромко сказал дан Кражич, и задал следующий вопрос: – Сколько лет служите в Белвиле?

– Шестьдесят два года, – с достоинством ответил Лершик. – Начинал с младшего лакея, потом несколько лет был камердинером лорда Вацлава, а после Его сиятельство меня до дворецкого повысил.

Ничего себе! Получается, Лершик всю свою жизнь в замке провел.

Управляющий кивнул и махнул рукой, показывая, что дворецкий может идти.

– Салта Кранер, – прозвучало следующее имя.

Старшая, сменившая цветастую юбку и блузку с пышными рукавами на темное форменное платье, засеменила к столу. Связка ключей у нее на поясе тихо позвякивала в такт торопливым шагам.

– Безоблачного дня, дан Кражич, – поклонилась управляющему домоправительница. Голос ее звучал льстиво и угодливо.

Правда, на дана Кражича это особого впечатления не произвело. Он еле слышно хмыкнул и принялся задавать те же самые вопросы.

Старшая отвечала на них непривычно елейным голоском, но когда речь зашла о грамотности, так же, как и дворецкий, смущенно замялась.

Дан Кражич посмотрел на нее и обернулся к нам.

– У вас тут что, грамотных вообще нет? – в его тоне послышалась растерянность.

– Дак зачем нам грамота, дан Кражич? – отозвалась старшая. – Слава Скарогу, нам и без нее неплохо. А все эти учености только характер портят да неповиновению учат.

О да, у самой-то старшей характер явно неиспорченный!

– Так что? Грамотные есть? – не отставал управляющий. – Хоть кто-нибудь?

Слуги молчали. Дан Кражич покачал головой и взялся за перо, собираясь вызывать следующего, но тут меня кто-то с силой толкнул в спину, и я вылетела вперед, прямо к столу.

– Ага. Ты, – удовлетворенно кивнул управляющий. – Ну-ка, иди сюда. Не бойся, – видя, что я пячусь назад, успокоил меня дан.

Я оглянулась и увидела ехидно ухмыляющуюся Минку. Вот же дрянь! Это она меня выпихнула.

– Напиши свое имя и возраст, – дан Кражич придвинул мне бумагу и протянул перо.

Из толпы слуг донеслись смешки.

– Да куда уж ей, убогой? – послышался тонкий голосок моей напарницы Милицы.

Вот уж парочка ехидн, что Минка, что Милка, не даром имена у них похожи!

Я посмотрела на своих врагинь, увидела сочувствующий взгляд Златки, решительно взяла перо и вывела в книге: «Илинка Бранд, восемнадцать лет».

Дан Кражич молча наблюдал за тем, как я пишу. Слуги тоже примолкли. Те, кто стоял ближе к столу, вытянули шеи, пытаясь рассмотреть появляющиеся на бумаге строки.

– Молодец, – удовлетворенно кивнул управляющий. – Пиши место рождения и сколько лет служишь в Белвиле.

Я написала. Правда, вместо своего родного города указала соседний, Мардис. Ну, а два года, что в Белвиле провела, скрывать было незачем, потому честно и признала.

– Еще грамотные есть? – спросил управляющий.

Слуги молчали. Минка с Милицей спрятались за спинами работников.

– Какая у тебя должность? – снова повернулся ко мне дан.

Я приписала под своим именем: «младшая служанка».

– Как работает? – спросил дан Кражич старшую.

Та замешкалась с ответом, видимо, пытаясь предугадать, к чему начальство клонит.

– Смышленная? – уточнил дан.

Салта подошла чуть ближе и ответила:

– Смышленная. Только ее направлять нужно и лень выбивать, потому как всем им тут если волю дай, так они и работать не будут.

Она заглянула управляющему в глаза и угодливо улыбнулась.

– Ну вот вы и будете направлять. Назначаю ее к вам в помощницы. Негоже грамотным людям в золе копошиться.

Я от неожиданности вздрогнула, и на бумаге появилась некрасивая клякса. Мать-Создательница! К Салте в помощницы? Да она ж меня теперь со свету сживет! Ох и удружил дан управляющий!

– Илинку? – переспросила Салта, и в голосе ее появились прежние визгливые нотки. – Так она же немая!

– И что? – посмотрел на старшую дан Кражич.

– Такие убогие только для черной работы годятся, – убежденно заявила Салта.

– Вот мы и проверим, – усмехнулся управляющий и незаметно мне подмигнул.

Только не было у меня желания новой должности радоваться. Дану что? Он свое дело сделал, а Салта теперь точно со свету сживет. Не простит моего возвышения.

Я представила, какая жизнь меня ждет, и неожиданно разозлилась. А вот не сдамся! Раз уж появился шанс, надо его использовать, глядишь, и выберусь из той ямы, в которую судьба загнала.

Я вскинула подбородок и смело посмотрела в болотные глаза дана Кражича.

Тот, словно прочитав мои мысли, улыбнулся и сказал:

– Ну и ладно, с одной разобрались.

Управляющий отвернулся и взял перо, собираясь вызвать следующего работника.

– Дан Кражич, а что Илинке делать-то, вы не сказали, – не отступала старшая. Она подошла к самому столу и уставилась на управляющего.

– Илинка Бранд будет вести записи всех дневных работ, расходов и трат.

– Это еще зачем? – не сдержалась старшая. – Сколько лет без записей обходились! У нас все по заведенному раз и навсегда порядку делается, и отчеты все дан Винкош с моих слов сам писал.

– Оно и видно, что сам, – хмыкнул дан. – Так хозяйское добро разворовали, концов не сыщешь.

– Да я...

Договорить домоправительница не успела.

– Дана Салта, не испытывайте мое терпение, – угрожающе произнес управляющий и полоснул старшую таким взглядом, что та поспешно отступила на шаг назад. – После обеда зайдешь ко мне, покажу, как книги учетные заполнять, – посмотрел на меня дан Кражич и, отвернувшись, вызвал следующего: – Злата Собжич.

Златка шагнула вперед. Щеки ее покраснелись, на губах играла чуть смущенная улыбка.

Управляющий принялся задавать Златке те же вопросы, что и всем, но я не слышала ее ответов. Слишком уж красноречивым взглядом меня Салта одарила, видать, придумывала, как со свету сжить.

И ведь придумала.

Когда дан Кражич опросил всех слуг и ушел, мерзкая баба подкралась ко мне и больно дернула за руку.

– Что, радуешься? – прошипела она. – Думаешь, коли личиком смазливый дану угодила, так он тебя от работы избавит? Нет уж. Одна у тебя начальница – я. И подчиняешься ты мне, так и знай. А я не потерплю, чтобы какая-то девка безродная нос задирали. Учет свой будешь по вечерам вести, а днем в горничных походишь, не развалишься. Минка со Станкой не справляются, им давно уже подмога нужна, вот ты и пойдешь.

Она задумалась ненадолго и добавила:

– И чтобы не вздумала жаловаться. А то знаю я вас, неблагодарных! Кто тебе работу дал, когда ты в замок чуть живая приползла? То-то же! А ты все норовишь поперек поступить, все тебе дана Салта плохая. Заботишься о них, как о родных, и что в ответ? Одно нытье да недовольство.

Старшая говорила, а сама недобрым взглядом меня буравила.

– Иди на хозяйский этаж, в комнатах милорда убраться нужно. Раз уж ты у нас грамотная такая, вот тебе и повышение.

Она криво усмехнулась и пошла к двери, а я осталась стоять, глядя ей вслед. Знала злобная баба, как мне отомстить. Самый верный способ выбрала.

Сердце тревожно заняло. Всю минувшую седмицу я от арна бегала. А тот, будто чуял, все время где-то рядом оказывался. То на кухню спустится, то встанет спозаранку и по дому ходит, указания рабочим раздает, а то и сам в работу впрягается. А еще пробежки свои устраивает по утрам, как раз, когда я золу выношу. Я уж и к бочке за водой ходить перестала, стараюсь вечером на кухне набирать. И в лес без надобности не суюсь.

А теперь что же? Получается, напрасно я пряталась? И ведь не от него пряталась, от себя. От чувств своих глупых, что с головой накрыли. От взгляда алого, мрачного, от души звериной, что лютым волком в сердце стучится, впустить требует. И от того орнамента, что перед глазами вьется, на ткань полотняную просится. Никогда со мной такого раньше не было. Обычно вирош частями открывается: вышьешь начало, оно за собой следующий фрагмент тянет, после него – еще один и так, пока до самого конца не дойдешь. А тут я все целиком увидела, сразу. И узор мудреный такой, необычный, с острыми углами и переплетениями потайными. Руки так и тянутся иглу взять и на ткань его перенести.

Я посмотрела на огрубевшие от работы пальцы. Еще неизвестно, получится ли? Обережная вышивка тонкости требует.

– Илинка! Ты чего застыла? – окликнула меня Златка, и я отвлеклась от своих мыслей, глядя на подошедшую подругу. – Рада, что новую должность получила?

Я выразительно посмотрела на нее и вздохнула.

– Что, думаешь, Салта отомстит?

Я кивнула.

– Ох, и то верно. С этой станется. Обязательно напакостит, такая уж баба злобная.

Я показала, что буду настороже.

– Правильно. Да и дан Кражич тебя в обиду не даст. Он справедливый, не то что наши изверги, им бы только со свету кого сжить, а дан Бранко никогда попусту не орет, и со слугами уважительный.

Златка потащила меня к двери, на ходу рассказывая, как управляющий на нее смотрел, да какие у него глаза необыкновенные и голос ласковый. А я только удивлялась, что любовь с людьми делает. Жила себе Златка спокойно, с Яцеком иногда по углам зажималась, и знать не знала ни о каком дане Кражиче, а теперь сама не своя, глаз с него не сводит, каждое слово ловит и так и норовит рядом оказаться.

– Ты сейчас куда? – спросила Златка, когда мы вышли из зала.

Я показала на хозяйскую половину.

– А чего ты там забыла?

Подруга знала, что я от арна бегаю. Пришлось объяснять, что Салта для меня новую работу придумала.

– Вот же злыдня! – выругалась Златка. – Тебя же ей в помощницы приставили. Надо дану Кражичу сказать, пусть разберется.

Я помотала головой. Это ничего не даст, только хуже будет. Салта выкрутится, а на мне потом сполна отыграется.

– И то верно, – будто подслушав мои мысли, согласилась Златка. – Это лихо всегда найдет, как жизнь испортить. Ладно, беги, пока не попало.

Она махнула рукой и пошла к лестнице, а я направилась к кладовке, в которой тряпки и метлы для уборки хозяйских покоев стояли.

В комнате арна было тихо. Как я ни прислушивалась, из-за двери ни звука, ни шороха не долетало, только где-то в конце коридора оконная створка от ветра хлопала. Наверное, слуги забыли закрыть.

Я помялась, не решаясь войти, а потом постучала и снова замерла. Тишина.

Толкнув дверь, протиснулась в покои и огляделась. Графа в спальне не было. Только портрет его со стены глазами алыми смотрел, в душу заглядывал. И такое в ней будил, что лучше бы оно и дальше спало до времени!

Я поспешно отвела взгляд от сурового лица и прислушалась к собственным ощущениям. Странно. Вроде бы, арн тут уже больше седмицы живет, а мне снова кажется, будто пустое все вокруг, неправильное. И не понять, откуда это ощущение берется. Паница учила меня, что магия в любом живом существе есть, даже в том, кто ее проявлений никак не ощущает. И эта невидимая сила оставляет отпечаток на предметах, которыми человек пользуется, и в каждом из них своя частичка иса появляется. Правда, чувствуют ее немногие. Только обережники да еще лекари иногда, у которых дар есть суть вещей видеть. А придворные маги в ис не верят и нас шарлатанами считают. Паница говорит, это потому, что гордыня им разум затмевает, и сердце нечувствительным делает. Еще бы! Мы-то привыкли к каждой крошечке живой силы с почтением относиться, а у имперских магов этой силищи столько, что они такие мелочи попросту не замечают. И над нами смеются.

Мне вспомнилось, как пять лет назад в монастырь лорд Скаверец заезжал. Первый маг империи возвращался из поездки в Редень и решил остановиться в нашей обители на ночлег. Сестры гостя со всеми почестями приняли, ужин в его честь устроили, самые лучшие яства на стол выставили, мы такие только по праздникам видели, а лорд Скаверец достал из ножен нож, потыкал им в кабанчика запеченного, перевернул картофель румяный, и брезгливо поморщился. И ни к чему больше не притронулся, только вина ежевичного выпил. А потом с Пани-

цей разговор завел. Об оберегах, которыми монастырь славился. И все так пренебрежительно, через губу, тихим голосом. И рожа его мерзкая гаденькой улыбочкой кривилась. Нет, внешне-то все благопристойно выглядело, только я к тому времени уже научилась немного в души заглядывать, вот и разглядела нутро поганое. А наставница перед магом навытяжку два часа простояла, пока он ее допрашивал и высмеивал. Ух, как у меня руки чесались яблоком ему промеж глаз засветить, но Паница, будто услышав мои мысли, посмотрела на выстроившуюся у стены шеренгу воспитанниц и, остановившись взглядом на мне, отрицательно качнула головой.

А гость все цедил сквозь зубы, что разогнать нужно нашу богадельню, что деньги, из казны выделяемые, мы впустую проедаем, и толку от бережной магии никакого нет. «Суеве-рия это все, дремучее наследие прошлого, – вещал он. – Я лично убеждал Его величество, что негоже поощрять старые верования, но наш правитель слишком милостив, не хочет против народа идти. Дозволяет вам за былые заблуждения предков держаться. Пока дозволяет, – мно-гозначительно добавил лорд Скаверец. – Но уже не за горами тот день, когда империя освобо-дится от тьмы суевений, и я лично сделаю для этого все возможное».

Я тогда все же не удержалась. Нащупала ниточку жизни, да и завязала узелок на конце, чтобы не получилось у мага задуманное. Не знаю, сработало ли...

Из коридора донесся какой-то шум, и это заставило меня отложить размышления и взяться за уборку. Ну как арн вернется? Или Салта заявится?

Я подошла к окну, вытерла с подоконника пыль и снова поймала себя на мысли, что тяжело мне в комнате находиться. Маечно. Иса совсем нет, будто выкачал его кто-то. Может, у арнов всегда так? Но ведь в покоях лорда Вацлава, бывшего хозяина Белвиля, этого нет. И в остальных комнатах. Только здесь, у лорда Штефана, мертвое все.

Я обвела спальню взглядом, стараясь не задерживаться на портрете. Вроде бы, обычное все. И как понять, что не так? Может, мне просто мерещится? Я закрыла глаза и попыталась посмотреть внутренним зрением, так, как обычно на вышивку бережную смотрела. Простран-ство тут же окрасилось в разные цвета. Вот ярко-красные зигзаги портрета, дальше – зеленые линии жизни по всем стенам тянутся и куда-то вниз уходят, на полу белые петли возврата... А это что? Там, где должны были быть охранные серые сеточки, черные спутанные клочки видны.

Не открывая глаз, подошла к тому месту, где чужое колдовство вплетено оказалось, и протянула руку, пытаясь нащупать край невидимой нити. Та скрывалась, извивалась под паль-цами, в изнанку судьбы уходила.

Я напряглась, начертила бережный знак, отыскала обжигающе-холодный кончик...

– Что ты здесь делаешь? – резкий вопрос раздался так неожиданно, что я вздрогнула, и нить моментально выскользнула из пальцев.

– Ну? – голос арна звучал настойчиво, отзываясь в душе лютым холодом.

Я медленно обернулась и наткнулась на тяжелый изучающий взгляд. Ох, сколько в нем ненависти было! Я аж задохнулась, так она в сердце ударила.

Граф закрыл за собой дверь и шагнул ко мне. От его крупной фигуры веяло угрозой.

– Кто тебе разрешал входить? – сурово спросил он.

Я попыталась объяснить, что меня прислали убрать в его комнате, но лорд Штефан ничего не пожелал понимать. Он мгновенно оказался рядом и схватил меня за руку. Ту самую, которой я пыталась конец нити распутать.

– Кто тебя послал? – встряхнув меня, прорычал граф. – Ну? Свард? Наместник? Что ты тут воровать пыталась?

Я замотала головой. На глаза от боли слезы навернулись.

– Тебе велели наговор на смерть сделать? – не унимался арн.

Глаза его полыхали яростью, клыки удлиннились, зверь к самой коже пробился, я отчет-ливо видела в лице графа волчьих черты. А еще говорят, что арны перекидываться не умеют!

– А может, ты и не немая вовсе? – пришла в голову лорда Штефана новая мысль. – Ну-ка, открой рот.

Я испуганно попятилась, только куда уж мне с разъяренным арном тягаться? Тот надавил на щеки, заставив открыть рот, мрачно кивнул и неожиданно, каким-то неуловимым движением, вывернул мне руку за спину. От боли в глазах потемнело и дыхание сбилось. Но это бы ничего, любую боль вытерпеть можно, но вот когда душа болит... А она болела. От недоверия, от сгустка черной злобы, что в сердце графа кипела, от ненависти, с которой он на меня смотрел.

– Молчишь? – рявкнул арн.

– Ваше сиятельство, там стобардская знать пожаловала, – послышался за нашими спинами бодрый голос дана Кражича, и дверь громко хлопнула, пропуская управляющего в комнату. – Что-то случилось? – увидев происходящее, тут же посерьезнел он.

– Вот, пытаюсь узнать, кто ее подослал, – не отпуская меня, сказал граф. – Захожу, а она над кроватью руками водит, ворожит.

Да не ворожила я! Спасти от проклятия хотела, только разве ж это объяснишь? Мать-Создательница! Что же мне делать? Если признаюсь, что владею обережной магией, арн захочет выяснить, как я в его замке оказалась и почему в служанках хожу. И что я ему скажу? Как объясню, что со мной случилось?

Я с мольбой посмотрела на управляющего. Может, он сумеет арна убедить, что я ему зла не желала?

Дан Кражич нахмурился. Видно было, что принял слова хозяина всерьез.

– Думаете, Свард подослал? – подходя ближе, спросил он.

– А почему нет? С наемниками не получилось, решили девицу задействовать, – зло обронил граф. – Старая уловка.

Он еще что-то добавил на непонятном языке, а я пыталась справиться с той бурей, что от его слов внутри поднялась. Как он сказал? С наемниками? Это что же, его убить пытались? И тут, в комнате, наговор на смерть... Меня будто холодной водой из Затонки обдало.

– А вот пусть она нам и напишет, так ли это, – положив на стол лист бумаги, которую принес с собой, и придвинув стоящую на краю чернильницу, предложил управляющий. – Раз уж говорить не может.

– Это еще выяснить надо, правда ли не может, – сказал граф, но руку мою отпустил и к столу подтолкнул.

– Ну, красавица, пиши, как в комнате милорда оказалась и что тут делала, – голос дана Кражича стал обманчиво мягким.

Я попыталась взять перо, но правая рука не слушалась.

– Лево́й пиши, – тон графа был ледяным, из него исчезло все человеческое. А глаза алым полыхали так, что смотреть в них страшно было. – Чего мнешься? Не тяни время.

Я сжала зубы от боли, вцепилась в перо пальцами и, как могла, принялась писать. Буквы получались корявыми, в слова с трудом складывались, но я упорно нанизывала одну на другую, торопясь объяснить, какая нелегкая меня в комнату арна привела.

– Старшая послала? Убраться? – читал выползающие из-под пера каракули управляющий. – Что за глупости? Я ведь тебя ее помощницей назначил, а не горничной.

Я зашкрябала по листу с удвоенной силой.

– Рук не хватает? А тебе все равно заняться нечем? Рагж! Вот же упрямая баба! – сквозь зубы выругался дан Кражич, в то время как арн молча сверлил мой затылок прожигающим взглядом.

Я чувствовала, что его зверь близко – очень близко! – и что только и ждет, чтобы в шею мне клыками вцепиться. Вполне отчетливо это его желание услышала. Зверь не верил никому

и ничему, он был озлобленным и настороженным. А еще мне показалось, что у него болит что-то. Рядом с сердцем. Ну, или что там у сущностей вместо сердца?

– А руками чего над кроватью шарил? – грубо спросил арн, подходя ближе, почти вплотную касаясь моей спины и заглядывая через плечо. И так остро я его присутствие ощутила, что жаром всю обдало, и щеки запылали. – Паутину снимала? – прочитал лорд Штефан мое объяснение. – Надо же, как просто, – словно про себя, заметил он и снова замолчал.

Но не отступил, продолжал стоять близко-близко, так, что я дыхание его горячее слышала.

– Выходит, зря вы, Ваше сиятельство, на девчонку осерчали, – уже более мирно сказал дан Кражич. – Ее к вам убирать послали, хотя, видит Создательница, я это самоуправство просто так не оставлю!

Я дернулась и схватила управляющего за руку.

– Что? – удивился тот.

Я помотала головой и умоляюще посмотрела в болотные глаза.

– Хочешь сказать, что согласна двойную работу делать? Или боишься, что Салта отомстит? – догадался дан Кражич.

Я закивала, радуясь такой понятливости.

Управляющий бросил взгляд на графа. Я тоже осмелилась посмотреть на Его сиятельство. Тот отошел к окну, сложил руки за спиной, и на лице его застыло странно отрешенное выражение. Словно мыслями он не здесь, а где-то далеко.

– Эта баба может, – задумчиво произнес управляющий. – Выгнать бы ее, да только договор, что лорд Годимир с ней заключил, невозможно нарушить.

– Пожизненный? – спросил граф, и я поняла, что не так уж и далеко он мыслями ушел.

– Да. Понять бы еще, за какие такие заслуги милость сия пожалована, и как договор расторгнуть.

Дан Кражич провел пятерней по заплетенным в мудреные косы волосам и посмотрел на арна.

– Пятая поправка, – негромко сказал лорд Штефан.

– Предлагаете...

Договорить дан Кражич не успел.

– Чего замерла? – повернувшись ко мне, перебил его граф. – Ступай пока, потом уберешься, когда я обедать буду. Никакого порядка, – устало пробормотал он, и я заметила, что лицо его снова выглядит бледным и осунувшимся. – Во всех нормальных домах слуг не слышно и не видно, а в Белвиле от них проходу нет. В собственном доме незванным гостем себя чувствую.

Он махнул рукой, прогоняя меня прочь, правда, не успела я забрать ведро с ветошью, как он резко приказал:

– Стой. Подойди.

Я подошла.

– Вот, возьми, – граф протянул мне ставис.

Он не стал объяснять, за что, только взгляд на руку кинул, что я к себе неловко прижимала.

– Бери, – видя, что я не тороплюсь протягивать ладонь, арн сунул мне деньги в карман и слегка подтолкнул к выходу. – И чтобы я тебя сегодня тут больше не видел. Убираться нужно, пока хозяин обедает, а никак не утром или вечером, как у вас тут заведено, – он посмотрел на управляющего и устало добавил: – Бранко, донеси до сведения домоправительницы эту истину и скажи, что если это еще раз повторится, я выставлю всех на улицу и найму новую прислугу.

– Не волнуйтесь, Ваше сиятельство, – миролюбиво улыбнулся дан Кражич. – Все сделаю. Иди, Илинка, – кивнул он мне. – Вернешься, когда милорд обедать будет.

Я не стала больше медлить и выскочила за дверь. И только отойдя от графских покоев, утерла мокрые от слез глаза. Почему он так со мной? Я же ему добра хотела! А он...

– Чего ревешь? – послышался ехидный голос Минки.

Я подняла голову и наткнулась на жадно ощупывающий меня взгляд.

– Что, выгнал арн? Не понравилась ты ему?

Горничная загородила мне дорогу, не позволяя пройти. Зря она это сделала. У меня и так на душе темно, а тут еще эта гадина издевается. Я посмотрела на новую форму Минки, перевела взгляд на ведро с водой, подхватила его и одним махом выплеснула на врагиню.

– Ты что творишь, скаженная?! – взвизгнула та. – Совсем из ума выжила?

Она кричала, а я с удовлетворением наблюдала, как по светло-серой ткани темные потеки расплзаются. Пусть знает, что я не безответная и за себя постоять могу!

– Я это так не оставлю, я управляющему пожалуюсь! – кричала Минка. – Пусть тебя выпорот!

– Что тут еще за вопли? – выглянул из комнаты арна дан Кражич. – Забыли, где находитесь?

Он строго посмотрел на меня и перевел взгляд на Минку.

– Дан Кражич, эта девка меня облила! – кинулась та к управляющему. – Совсем из ума выжила! Вы должны ее наказать!

– Должен? – насмешливо переспросил дан.

– Вы ее не знаете, дан Кражич, это она только с виду беззащитная, а сама – змея змеей, так и норовит какую пакость сделать.

Я слушала Минку и диву давалась. Уж не себя ли она описывает?

– Ну-ка, помолчи, – поморщился дан. – За что ты ее? – спросил он у меня.

Я развела руками, и в плече что-то хрустнуло. Мать-Создательница, больно-то как! Надо же, а ведро поднимала, ничего не чувствовала...

– Что? – переспросил управляющий.

Я показала на ведро, потом – на себя и попыталась объяснить, что не заметила Минку, столкнулась с ней и случайно облила.

– Случайно, говоришь? – понял меня дан Кражич.

Мне оставалось только покаянно кивнуть и честно взглянуть в болотные глаза.

– Видишь, она говорит, ненароком все вышло, – хмыкнул управляющий.

– Да врет она все! – взвизгнула Минка, но дан не стал ее слушать.

– Еще раз повысишь в моем присутствии голос, отправлю на конюшню и велю высечь, – тихо сказал он, глядя на Минку так, что даже мне страшно стало. – Понятно?

Горничная мелко закивала головой и попятилась.

– Займитесь лучше делом. И чтобы я больше ни одной жалобы не слышал. Не хватало еще бабы дрязги разбирать, – он сердито насупился, развернулся и пошел к комнате арна.

– Не думай, что тебе это с рук сойдет, – дождавшись, пока за управляющим закроется дверь, прошипела Минка.

Она посмотрела на меня с такой ненавистью, что мне не по себе стало. И откуда в ней столько злобы? Как она в сердце-то вмещается?

– У-у, лишманка!

Минка отпихнула меня и пошла к лестнице, а я подхватила ведро и отправилась в другую сторону, лишь бы с дурной девкой не сталкиваться. Вскоре хозяйский этаж остался позади, а я оказалась у черного хода.

В Белвиле для слуг специальные коридоры были. Они шли в стенах замка, в обход хозяйских и гостевых покоев, чтобы прислуга господам на глаза не попадалась. Вот в один из таких коридоров я и свернула. Миновала второй этаж, спустилась на первый, дошла уже почти до цокольного и тут неожиданно услышала знакомый звук. «Тук-тук... тук-тук...» – раздавалось

в пустынной тиши. Этот звук заставил меня остановиться и напряженно прислушаться. Он шел откуда-то снизу, из подвала, и мне показалось, что стены вибрируют ему в такт. Было ли мне страшно? Только в первый момент. А потом стук незримо проник в кровь, потек по венам, подстроился под биение сердца, отдаваясь внутри тонким, еле уловимым призывом. Он звал. Он просил. Он требовал.

«Чего ты от меня хочешь? Что тебе нужно?».

Ответа не было, только неожиданно возникло желание в подzemелье спуститься. Да такое сильное, что я едва воспротивиться ему смогла!

«Не пойду! – внутренне крикнула неведомой силе. – Даже не уговаривай!»

Хватит с меня неприятностей. И так уже по самую маковку увязла.

Но зов не умолкал. Он звучал и звучал у меня в душе, тянул вниз, упрашивал. И я бы, наверное, не выдержала, если бы не заглянувшая в коридор Станка.

– О, Илинка, вот ты где! – обрадовалась она. – А тебя управляющий зовет, велел найти и привести.

Чего это он меня ищет? Только что виделись.

Не успела я так подумать, как настойчивый стук исчез, словно его и не было.

– Ну чего ты тут встала? Идем! – позвала меня Станка и потянула за руку. За ту самую, что арн выворачивал. В плече снова что-то хрустнуло, тело прошила боль, а потом она прошла, будто ее и не было, и рука нить перестала. Чудеса!

Я недоверчиво подняла ладонь, покрутила в разные стороны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.